

*Одобрено решением Конституционного Суда
Российской Федерации от 30 октября 2025 года*

ИНФОРМАЦИЯ
Конституционного Суда Российской Федерации

**Конституционно-правовая защита человеческого достоинства:
актуальные аспекты**

*Подготовлена Секретариатом
Конституционного Суда Российской Федерации*

Санкт-Петербург, 2025

Оглавление

Введение.....	3
1. Защита человеческого достоинства: общие вопросы конституционного регулирования.....	7
1.1. Достоинство как конституционная ценность	10
1.2. Конституционный принцип уважения и охраны человеческого достоинства	27
1.3. Конституционное право на уважение и охрану человеческого достоинства	43
2. Отраслевые аспекты защиты человеческого достоинства	55
2.1. Защита достоинства в сфере частного права.....	55
2.2. Защита достоинства в социально-трудовой сфере	63
2.3. Защита достоинства в сфере публичного принуждения	78
Заключение	100

Введение

Информации Конституционного Суда Российской Федерации (далее также – Информации) – аналитические документы по актуальным проблемам обеспечения конституционности нормативного регулирования во взаимосвязи с практикой его применения.

В этих тематических обобщениях своей практики Конституционный Суд Российской Федерации (далее также – Конституционный Суд) привлекает внимание органов публичной власти и всего общества к содержанию выраженных им правовых позиций и их развитию, к установленным в ходе конституционного нормоконтроля причинам нарушений конституционной законности, указывая также на ожидаемые от уполномоченных органов действия по исполнению решений Конституционного Суда, включая устранение выявленных в области нормотворчества и правоприменения системных дефектов.

В предшествующие годы в Информациях были освещены вопросы исполнения решений Конституционного Суда (2009 год), защиты конституционных прав и свобод (2012 год), конституционных основ судостроительства и судопроизводства (2014 год), дефектов нормотворчества (2016 год) и правоприменения (2018 год), влекущих нарушения конституционной законности, защиты предпринимательства (2020 год), методологии конституционного нормоконтроля (2021 год), обеспечения конституционного принципа солидарности (2023 год).

Настоящая Информация посвящена актуальным аспектам конституционно-правовой защиты человеческого достоинства (далее также — достоинства, достоинства человеческой личности).

Подразумеваемая неотъемлемую ценность каждого человека независимо от каких-либо внешних факторов (статуса, способностей, заслуг, действий), недопустимость отношения к человеку как к средству (объекту), человеческое достоинство предполагает право на уважение, защиту от унижения и иного неправомерного вмешательства в сферу индивидуальной автономии. Самовосприятие личности в качестве носителя человеческого достоинства создает необходимую основу для формирования правосознания, а также для совокупности нематериальных и материальных притязаний, соотносимых с защитой достоинства.

Нормотворческое, правоприменительное и доктринальное обращение к известному еще античности понятию человеческого достоинства (*dignitatis humanae*), осмысление его ценностно-нормативного содержания, в том числе в соотнесении с иными правовыми ценностями и принципами, охватывая всю историю права, продолжается и в наши дни.

Если в классическом либеральном конституционализме акцент делался на ограничении публичной власти и гарантиях индивидуальной свободы, то движущим началом современного конституционализма во все большей степени становится защита достоинства человеческой личности. Конституционное

признание ценности человеческого достоинства, из которого следует ряд выводов в догматической плоскости, прежде всего трактовка права на уважение и охрану достоинства в качестве абсолютного, противостоит политической, идеологической, экономической инструментализации человеческой личности.

В конституционной демократии наших дней человеческое достоинство, обеспеченное надлежащей правовой защитой, — это основа легитимации публичного порядка и публичной власти как таковых, глубинная предпосылка и высшая цель всех прав и свобод.

Человеческое достоинство предполагает признание врожденной, безусловной и неотъемлемой ценности человека, вне зависимости от его физических, интеллектуальных, социокультурных и иных характеристик, поведения и социальной полезности. Вместе с тем его содержание не статично и видоизменяется, в том числе в ходе развития научных знаний.

С подъемом геномной инженерии и биотехнологий, а также наступлением цифровой эпохи представления о человеческом достоинстве обретают новые очертания, воздействуя на развитие конституционной догматики и юриспруденции. Новые риски, включая карантинные ограничения в условиях пандемии, дегуманизирующее трудовую деятельность бурное развитие робототехники, стремительный рост киберинформационных технологий, становление искусственного интеллекта, которым оказывается подвержено человеческое достоинство, с особой остротой актуализируют задачу его надежной правовой защиты.

Высшее значение, принадлежащее в системе источников национального права конституциям, обусловлено, среди прочего, тем, что, закрепляя значимые для всех форм социального регулирования начала свободы, справедливости и достоинства человека, основной закон утверждает неразрывную взаимосвязь позитивного права и морали. Ощутимо влияя на конституционное регулирование, категория достоинства получает дальнейшую конкретизацию в отраслевых правоотношениях.

Как убеждает мировой и отечественный опыт, конституционное правосудие вносит во многом определяющий вклад в защиту человеческого достоинства, в признание права на его уважение базовым признаком правового государства. В конечном счете именно конституционные суды, а также функционально эквивалентные им судебные и квазисудебные органы дают окончательный ответ на вопросы о том, что такое достоинство и какими средствами его необходимо защищать и гарантировать.

Процесс перехода от советской правовой системы к современному российскому конституционному правопорядку в немалой степени был опосредован именно отстаивающими человеческое достоинство решениями Конституционного Суда. Уже в его первых решениях получила развернутое обоснование правовая позиция, согласно которой конституционное признание достоинства за каждым возлагает на публичную власть требования уважать достоинство личности, не допускать любое его умаление со стороны кого бы то

ни было (включая само государство), а также обеспечивать личности возможность быть в ее взаимоотношениях с государством не объектом государственной деятельности, но равноправным субъектом (*Постановление от 3 мая 1995 года № 4-П*).

Охватывая фактически весь спектр правоотношений, актуальные тенденции защиты достоинства в практике российского конституционного нормоконтроля проявляют себя, среди прочего, в вопросах судебной защиты, в том числе в контексте размера пошлин при обращении в суд, а также разумных сроков судопроизводства и исполнения судебных актов; права на обращение вообще и права на обращение в Конституционный Суд в частности; права на гражданство и миграционного регулирования; публичной ответственности; экологического благополучия; налогообложения; защиты жертв политических репрессий; защиты частной жизни, в том числе в СМИ и в Интернете; обеспечения лекарствами; трансплантации органов и погребения; прав лиц, страдающих психическими расстройствами; порядка применения обеспечительных мер при принудительной госпитализации; гарантий многодетным семьям и во многих иных отраслевых аспектах.

Осуществляемое по итогам конституционного нормоконтроля казуальное толкование Конституции Российской Федерации (далее также – Конституция, Основной Закон) утверждает в отраслевом регулировании конституционные ценности и принципы. Как и в иных случаях, главным, в масштабе всей правовой системы, последствием проверки законоположений, затрагивающих достоинство личности, является последовательная конституционализация соответствующих отраслей права.

Защита человеческого достоинства — в свете смыслов, сообщаемых конституционному регулированию новеллами 2020 года, а также с учетом текущих геополитических вызовов — с необходимостью предполагает поддержание конституционно обоснованного равновесия между гарантиями индивидуальной автономии, с одной стороны, и, с другой стороны, утверждением во всех правоотношениях конституционной идентичности российского государства, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях. К их числу отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России (пункт 5 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809). Воздействуя на законотворческую и правоприменительную деятельность, преодолевая недостатки нормативного регулирования, а также находящегося с ним в системной связи правоприменения, решения

Конституционного Суда утверждают незыблемость основных прав и свобод, краеугольным камнем которых выступает уважение человеческого достоинства.

Композиционно и стилистически Информация «Конституционно-правовая защита человеческого достоинства: актуальные аспекты» следует сложившемуся формату данных документов.

Структура Информации включает, помимо Введения и Заключения, два раздела.

В первом разделе рассматриваются общие вопросы обеспечения на уровне конституционного регулирования человеческого достоинства; в отдельных подразделах представлены его основные значения как объекта правовой защиты и компонента методологии конституционного нормоконтроля.

Подраздел 1.1, посвященный достоинству в качестве конституционной ценности, характеризует в контексте конституционно-судебной практики присущие ему аксиологические аспекты.

В подразделе 1.2, посвященном конституционному принципу уважения и охраны человеческого достоинства, рассматривается его роль в конституционной интерпретации, раскрывается его герменевтический потенциал и значение как нормоконтрольного критерия.

В подразделе 1.3, посвященном конституционному праву на уважение и охрану человеческого достоинства, характеризуются выявляемые конституционно-судебной практикой ключевые особенности данного субъективного публичного права.

Во втором разделе рассматриваются значимые для конституционно-судебной защиты достоинства отраслевые аспекты, а именно: защита достоинства в сфере частного права (подраздел 2.1), защита достоинства в социально-трудовой сфере (подраздел 2.2), защита достоинства в сфере публичного принуждения (подраздел 2.3).

1. Защита человеческого достоинства: общие вопросы конституционного регулирования

Конституция Российской Федерации — нормативно-ценностный фундамент правотворческой и правоприменительной деятельности всех органов публичной власти. В соответствии с конституционными положениями человек, его права и свободы являются высшей ценностью (статья 2). Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 18). Признание, соблюдение и защита фундаментальных прав и свобод нерасторжимо связаны с основами конституционного строя.

Помимо прочего, место, отведенное достоинству в композиции конституционного текста, указывает на абсолютность данной ценности, чем предопределяется догматическая конструкция соответствующего субъективного права. Защита достоинства личности (статья 21) закрепляется сразу вслед за правом на жизнь (статья 20), и эта последовательность, отражая неразрывную связь жизни человека с признанием и защитой его достоинства, имеет под собой отчетливое аксиологическое основание¹. Биологическая жизнь служит необходимой предпосылкой осуществления всех конституционных прав и свобод, включая право на уважение и охрану достоинства.

Восприятие человека в качестве личности означает признание за ним неповторимых биопсихосоциальных качеств, имеющих несоизмеримую ценность и позволяющих человеку обладать индивидуальной автономией, включая убеждения, ценности и интересы. Достоинство представляет отражение в сознании человека данных личностных качеств, что отграничивает достоинство от чести, опосредующей внешнее признание за человеком определенных личностных характеристик.

По смыслу взаимосвязанных конституционных положений именно достоинство, неотъемлемо присущее человеку, во многом определяет объем его правовых притязаний к государству и пределы правовой регуляции его поведения (статьи 2, 18; часть 1 статьи 20; часть 1 статьи 21; часть 3 статьи 56). Предусматривая гарантированность каждому права на охрану достоинства (статья 21), Конституция тем самым предполагает, во-первых, лежащую на государстве обязанность по охране достоинства и, во-вторых, универсальность распространяющихся на всех субъектов права запретов совершать какие-либо действия, унижающие и умаляющие достоинство (часть 2 статьи 15, часть 1 статьи 21, часть 2 статьи 55, часть 3 статьи 56). В частности, ничто не может служить основанием для умаления достоинства; никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию; никто не может без добровольного согласия быть подвергнут медицинским, научным или иным опытам. Данный

¹ Здесь и далее ссылки на текст Конституции Российской Федерации во всех неговоренных случаях идут без обозначения источника.

конституционно установленный запрет (часть 2 статьи 21) возлагает на публичную власть обязательство по обеспечению его надлежащего соблюдения.

Уже само местоположение норм о достоинстве в структуре конституционного текста (статья 21 Конституции следует за открывающим главу о конституционных правах правом на жизнь) характеризует их место в системе конституционного регулирования прав и свобод, то фундаментальное значение, которое имеет, формируя статус личности, эта конституционная категория.

Значимый вклад в конституционное признание человеческого достоинства внесли конституционные новеллы 2020 года. Действующая редакция Основного Закона предусматривает создание в Российской Федерации условий для устойчивого экономического роста и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, защиту достоинства граждан и уважение человека труда, сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическую, политическую и социальную солидарность. Конкретизируя положения о социальном государстве и согласуясь с принципом недопустимости нарушения лицом прав и свобод других лиц при осуществлении своих прав и свобод, соответствующие положения, как было отмечено Конституционным Судом, направлены на достижение в государственной политике, в правовом регулировании и правоприменительной практике оптимального соотношения индивидуальной свободы и общественной солидарности (*Заключение от 16 марта 2020 года № 1-3*).

Категория достоинства получает в конституционном регулировании двойное отражение: прямое текстуальное закрепление и имплицитное (контекстуальное) выражение, раскрываемое в решениях Конституционного Суда и охватывающее в том числе все положения главы 2 «Права и свободы человека и гражданина». Посредством разрешения отнесенных к его компетенции вопросов Конституционный Суд обеспечивает конституционность нормативного регулирования и практики его применения. Высшая юридическая сила Основного Закона, применение которого невозможно без учета правовых позиций, содержащихся в решениях органа конституционного контроля, определяет особый характер его решений для всех уполномоченных субъектов.

Как вытекает из правовых позиций, последовательно выражаемых Конституционным Судом на протяжении всей его истории, достоинство личности является необходимой предпосылкой и основой всех иных прав и свобод, условием их признания и соблюдения; поскольку ничто не может быть основанием для умаления человеческого достоинства, постольку никто не может быть ограничен в защите законными способами своего достоинства, а также всех связанных с ним прав и свобод (*постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 15 января 1999 года № 1-П и от 23 сентября 2014 года № 24-П; определения от 15 февраля 2005 года № 17-О, от 1 марта 2010 года № 323-О-О и др.*).

Характеристики достоинства повлияли на догматическую конструкцию всех остальных прав и свобод. Идея врожденного, равного и неотъемлемого достоинства, присущего всем представителям человеческой семьи, служит

основой нормативной и jurisprudенциальной конструкции, выдвигающей защиту прав и свобод человека и гражданина центральной задачей правовой системы.

Конституционные права и свободы — это, прежде всего, содержательное выражение человеческого достоинства в соответствующих правоотношениях, а также гарантии поддержания к нему уважения. Соответственно, как правовая реальность достоинство во многом существует, реализуясь в конкретизирующих и гарантирующих его конституционных правах и свободах.

В качестве абсолютного права на уважение личности оно охватывает сущностное содержание (так называемое «ядро») всех конституционных прав и свобод, вторжение в которое означает лишение данного права или свободы. Тем самым ограничения основных прав находят свой предел в абсолютной необходимости защиты человеческого достоинства. Вместе с тем рубежи между основными правами, соблюдение которых предотвращает, а восстановление которых устраняет их взаимную конкуренцию, в значительной степени базируются на одном основании — достоинстве человеческой личности.

Сущность соответствующего конституционного права (свободы) остается неизменной при условии соразмерности ограничивающего его публичного вмешательства. Непропорциональное же вмешательство в основное содержание конституционного права (свободы), умаляя его, одновременно умаляет человеческое достоинство. И наоборот, умаление человеческого достоинства, как правило, сопряжено с умалением какого-либо конституционного права (свободы). Именно в силу принципа человеческого достоинства сущность конституционных прав и свобод не может подвергаться каким бы то ни было ограничениям.

В этих обстоятельствах надлежащая защита человеческого достоинства равносильна эффективной защите основных прав и свобод в целом. Применение же в ходе конституционного нормоконтроля принципа уважения и охраны человеческого достоинства способствует выявлению и устранению присутствующих в регулировании дефектов, вторгающихся в существо конституционного права или свободы.

В качестве важнейшего, исходя из его значимости для конституционно-правового статуса личности, понятия конституционного права человеческое достоинство характеризуется следующими значениями: конституционная ценность, конституционный принцип, субъективное право.

1.1. Достоинство как конституционная ценность

Достоинство — конституционная ценность, пронизывающая вследствие своего универсального характера все позитивное право. В решениях Конституционного Суда достоинство стоит в ряду таких ценностей, как свобода, юридическое равенство, справедливость, верховенство права.

Из положений Конституции, утверждающих приоритет человека, его прав и свобод и возлагающих на государство обязанность охранять личное достоинство каждого от любых форм унижения со стороны кого бы то ни было, включая само государство, следует, что личность выступает не как объект публично-властной деятельности, но как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными способами и спорить с государством в лице любых его органов. В системе конституционного регулирования человеческое достоинство в качестве ценности имплицитно **присутствует во всех положениях, характеризующих взаимоотношения государства и личности** и формулирующих адресованные нормотворческим и правоприменительным органам требования (*постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 20 апреля 2006 года № 4-П и др.*).

Будучи обусловлено всем генезисом и эволюцией основных прав и свобод, признание достоинства личности абсолютной ценностью имеет и международно-правовые предпосылки. Преамбула Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) признает достоинство, неотъемлемо присущее всем людям, основой свободы и справедливости; закрепляет, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах (статья 1). Международный пакт о гражданских и политических правах указывает на то, что равные и неотъемлемые права всех людей вытекают из присущего человеческой личности достоинства (преамбула), отсюда следует запрет грубого посягательства на достоинство личности — пыток, жестокого и бесчеловечного, унижающего человеческое достоинство обращения (статья 7), рабства (пункт 1 статьи 8). Пакт также гарантирует право на гуманное обращение и уважение человеческого достоинства лицам, лишенным свободы (статья 10). Таким образом, достоинство признается за каждым, не зависит от признания его государством и не подлежит ни какому-либо доказыванию, ни опровержению.

Положения названных международных актов, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации (часть 4 статьи 15, часть 1 статьи 17 Конституции), учитываются в ходе конституционного нормоконтроля при определении нормативного содержания отдельных прав и свобод, включая оценку конституционности их ограничений. Конституционно-судебная защита человеческого достоинства, помимо прочего, способствует имплементации в российское право положений международных документов, посвященных праву на достоинство, включая акты ООН и органов системы ООН по защите прав человека, как договорных (например, Сообщения Комитета по правам человека ООН, образованного в соответствии с Факультативным протоколом к

Международному пакту о гражданских и политических правах), так и внедоговорных (например, мнения Рабочей группы по произвольным задержаниям), участницей которых является Российская Федерация.

Универсальность, являясь конститутивным свойством достоинства как ценности и предполагая уважение достоинства человеческой личности безотносительно к каким бы то ни было физическим, социальным и иным различиям, **исключает любое ограничение права на его уважение и охрану.** Произвольное вмешательство, в том числе публичное, в сферу индивидуальной автономии (частную жизнь) недопустимо.

Возможность умаления человеческого достоинства должна исключаться и при введении ограничений прав и свобод, которые должны быть адекватны социально необходимому результату и строго обусловлены конституционно закрепленными публичными интересами; правовые средства, используемые при этом, не должны допускать несоразмерное для конкретной ситуации ограничение прав и свобод, причем цели одной лишь рациональной организации деятельности органов публичной власти не могут служить основанием таких ограничений (*постановления от 3 июля 2018 года № 28-П, от 11 февраля 2019 года № 9-П*).

Конституционное признание достоинства личности основополагающей ценностью, исключая необоснованное вмешательство государства в сферу индивидуальной автономии, возлагает на него создание гражданам реальных возможностей для свободного самовыражения при соблюдении конституционно закрепленных критериев ограничений прав и свобод (*Постановление от 23 сентября 2014 года № 24-П*).

С учетом системной взаимосвязи принципа уважения и охраны человеческого достоинства и принципа юридического равенства **недопустимо, среди прочего, умаление человеческого достоинства в форме дискриминации.**

Из принципа юридического равенства вытекает требование, в силу которого однородные по своей правовой природе отношения должны регулироваться одинаковым образом (*постановления от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 19 марта 2010 года № 7-П, от 20 июля 2016 года № 17-П, от 20 января 2023 года № 3-П и др.*). Отступлением законодателя от принципа юридического равенства, который не допускает различий в правовом положении лиц, принадлежащих к одной категории, т.е. находящихся в одинаковых или сходных ситуациях, вызвана значительная часть поступающих в Конституционный Суд обращений, в том числе связанных с нарушением права на уважение и охрану человеческого достоинства.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд, не имеющая объективного и разумного оправдания дифференциация прав и обязанностей лиц, относящихся к одной и той же категории субъектов юридической ответственности, порождает – в нарушение конституционных принципов равенства и справедливости, охватывающих своим воздействием законодательное регулирование как прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции,

так и прав, приобретаемых на основании закона, – предпосылки для дискриминационного правоприменения (*постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 16 июля 2007 года № 12-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П, от 23 апреля 2012 года № 10-П, от 18 апреля 2017 года № 12-П, от 6 июня 2017 года № 15-П, от 4 декабря 2017 года № 35-П и др.*).

В частности, когда речь идет об одной и той же категории участников уголовного судопроизводства, а именно о лицах, пострадавших от преступлений, уголовное преследование по которым осуществляется в порядке частного обвинения, необходимо надлежащее, исключающее дискриминацию, соблюдение уголовно-процессуальных гарантий, ограждающих в том числе человеческое достоинство потерпевших. В связи с этим должен действовать единый порядок принятия и рассмотрения судом первой инстанции заявлений о возбуждении уголовных дел частного обвинения вне зависимости от того, мировому, районному или гарнизонному военному суду подсудна данная категория уголовных дел (*Постановление от 28 марта 2024 года № 13-П*).

Также в решениях Конституционного Суда указывается на обязанность государства обеспечить лицам, страдающим психическими расстройствами, возможность защиты достоинства, неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, защиту чести и доброго имени, а также права иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (*Постановление от 27 февраля 2009 года № 4-П; Определение от 19 января 2011 года № 114-О-П*).

Обеспечение достойного уровня жизни, защита человеческого достоинства и уважение человека труда не могут быть надлежащим образом обеспечены вне следования принципам равенства и доверия к закону и действиям органов публичной власти, особенно при изменении правового регулирования. В этой связи, установив, что граждане предпенсионного возраста, независимо от даты признания их безработными, фактически находятся в одинаковой жизненной ситуации, обусловленной утратой работы и заработка (трудового дохода), в одинаковой мере испытывая трудности в поиске новой работы, обусловленные главным образом достижением ими названного возраста, Конституционный Суд указал, что все лица, относящиеся к данной категории, должны находиться в равном правовом положении (*Постановление от 17 марта 2022 года № 11-П*).

Следование конституционному принципу равенства не исключает возможность установления различных условий для различных категорий субъектов права; однако такие различия не могут быть произвольными, они должны основываться на объективных характеристиках соответствующих субъектов. Поэтому гарантийные механизмы, не допуская умаляющего человеческого достоинства дискриминационного отношения, должны учитывать значимые различия отдельных категорий граждан. Более того, внимание, проявляемое нормотворцем и правоприменителями к такого рода особенностям, повышает защищенность достоинства человеческой личности.

Нередко, подтверждая конституционность оспариваемого положения и отсутствие в нем умаления достоинства, Конституционный Суд разъясняет, что законодатель в данном случае не вышел за пределы своих дискреционных полномочий и учел объективный дифференцирующий признак. Так, например, не просто возможно или желательно, а необходимо учитывать особенности положения людей, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации, предоставлять эффективную поддержку гражданам, пострадавшим в результате действий государства. В частности, защите человеческого достоинства как абсолютной ценности способствует выраженная Конституционным Судом применительно к защите прав жертв политических репрессий правовая позиция, согласно которой возникновение между гражданами и государством конституционно-правовых отношений по поводу возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов публичной власти или их должностных лиц, обусловлено самим фактом причинения вреда. В этой связи на государство возлагается предоставление эффективной поддержки гражданам, у которых в результате действий государства, причинивших ущерб, невосполнимо утрачиваются или резко сужаются возможности самостоятельного обеспечения достойной жизни и свободного развития (*Постановление от 10 декабря 2019 года № 39-П*). По смыслу конституционных положений, в том числе посвященных человеческому достоинству, регулирование должно гарантировать жертвам репрессий стабильность их правового статуса как участников соответствующих конституционно-правовых отношений и беспрепятственную реализацию всех прав, предполагаемых данным статусом. При этом, предоставляя право на получение денежных компенсаций не всем реабилитированным лицам, а лишь тем, кто испытал наиболее тяжелые последствия политических репрессий, государство тем самым признает свою повышенную ответственность перед ними. Этим не затрагиваются права и не умаляется достоинство личности иных категорий реабилитированных граждан (*Определение от 12 ноября 2008 года № 1031-О-О*).

В контексте согласованной защиты ценностей достоинства и равенства в решениях Конституционного Суда оценивается конституционность дополнительных льгот, предоставляемых отдельным категориям лиц.

Так, отмечая присутствие среди конституционных целей социальной политики создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, Конституционный Суд указывает на ответственность государства за охрану здоровья, поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, социальную защищенность (*постановления от 8 июля 2014 года № 21-П, от 27 марта 2018 года № 13-П, от 21 декабря 2022 года № 56-П, Определение от 16 мая 2024 года № 1122-О и др.*). При этом, как указывает Конституционный Суд, бесплатное предоставление земельных участков в собственность многодетных граждан, будучи направлено на удовлетворение потребностей в жилище данной, находящейся потенциально в наиболее уязвимом социальном положении и нуждающейся в особой заботе со стороны государства и общества,

группе населения, означает недопустимость возложения на этих граждан бремени несения дополнительных финансовых затрат, связанных с инфраструктурным оснащением предоставленных земельных участков (созданием коммунальной, транспортной и иной инфраструктуры). Иное вследствие значительной тяжести такого рода вынужденных расходов могло бы обесценить данную меру социальной поддержки и поставить под сомнение доверие граждан к действиям государства (*Определение от 9 ноября 2017 года № 2516-О*).

Усиление по итогам реформы 2020 года значения категории достоинства в конституционном регулировании проявилось в появлении семантически близких и нормативно взаимосвязанных положений статьи 75.1 о гарантиях защиты достоинства граждан, а также положений пункта «ж.1» части 1 статьи 72 о создании условий для достойного воспитания детей в семье, раскрывающих **морально-нравственный аспект человеческого достоинства как конституционной ценности**.

Взаимосвязь понятий «достоинство» и «достойное воспитание» признается доктриной права, судебной и административной практикой. Достойное воспитание – частный (видовой) случай общего (родового) понятия достойного осуществления обязательств по отношению к другим лицам, такого осуществления, которое являет собой акт признания в другом лице субъекта права. Именно это признание выступает основополагающим следствием обладания достоинством, предполагающим отношение к человеку как к субъекту, а не как к объекту. Обеспечение такого отношения гарантируется обязательствами, возлагаемыми как на публичную власть, так и на частных лиц. И, помимо прочего, обязательствами по достойному воспитанию детей.

Признавая право приемных родителей на выплату им процентов в случае просрочки выплаты им ежемесячного вознаграждения, которым они вправе распоряжаться по своему усмотрению как в личных целях, так и – полностью или частично – для нужд приемных детей, Конституционный Суд исходил, помимо прочего, из приоритета семейного воспитания детей как залога их физического и духовно-нравственного развития (*Постановление от 15 октября 2024 года № 46-П*).

В практике ординарных судов, включая решения высшей судебной инстанции, обеспечение конституционного права на защиту достоинства непосредственно соотносится в том числе с созданием детям достойных условий жизни, включая достойное воспитание (*определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2019 года № 56-КГ18-38 и от 9 сентября 2019 года № 66-КГ19-8*). Как подчеркивается Верховным Судом Российской Федерации (далее также – Верховный Суд), статус ребенка, оставшегося без попечения родителей и находящегося в трудной жизненной ситуации, предполагает получение социальной пенсии; данная мера социальной поддержки направлена на поддержание достойных условий жизни и в связи с этим – на обеспечение достоинства личности. Исходя из положений пункта 1 статьи 121 Семейного кодекса Российской Федерации получение

названного статуса может быть обусловлено в том числе уклонением родителей от воспитания детей. Между тем надлежащее воспитание детей конституционно характеризуется в качестве «достойного воспитания». Таким образом, необеспечение достойного воспитания (в том числе ввиду отсутствия для такового благоприятных условий) создает прямые риски для поддержания достойных условий жизни ребенка и тем самым для защиты его достоинства как такового.

Таким образом, глубокая смысловая общность категории достоинства и достойного осуществления обязательств по отношению к другим лицам как проявление признания в другом лице субъекта права (генеральное следствие обладания достоинством, предполагающим позитивное обязывание не только публичной власти, но и частных лиц), обуславливая их нормативную взаимосвязь, выражает деонтологический аспект достоинства как конституционной ценности.

Необходимая дифференциация предполагает также и легитимные изъятия (ограничения), равным образом не влекущие за собой умаление достоинства и возлагаемые с учетом особенностей конституционно-правового статуса соответствующих субъектов.

Так, например, подчеркивая, что по смыслу положений, закрепленных в статьях 1, 2, 7 (часть 2), 17 (часть 1), 18, 21, 41 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на уважение и охрану достоинства личности распространяются и на лиц, которые лишены свободы в установленном законом порядке и которые в целом обладают теми же правами и свободами, что и остальные граждане, Конституционный Суд признает допустимость изъятий, обусловленных особенностями личности заключенных, совершенных ими преступлений, а также специальным режимом мест лишения свободы (*постановления от 15 ноября 2016 года № 24-П и от 8 июня 2021 года № 27-П; определения от 13 июня 2002 года № 173-О, от 9 июня 2005 года № 248-О, от 16 февраля 2006 года № 63-О, от 15 июля 2008 года № 454-О-О, от 25 февраля 2010 года № 258-О-О и др.*).

Как отмечается в решениях Конституционного Суда, осужденным гарантируется право на вежливое обращение со стороны персонала учреждения, исполняющего наказания, запрет подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или взысканию, законность применения мер принуждения. Однако нарушение ими установленного порядка отбывания наказания в условиях исправительного учреждения, неисполнение ими своих обязанностей, неподчинение законным требованиям администрации этого учреждения не исключают применения к ним известных уголовно-исполнительному законодательству мер взыскания (влекут предусмотренную законом ответственность). Иное вело бы к невозможности обеспечить режим отбывания наказания, использовать иные средства исправления осужденных, стимулировать, соединив наказание с исправительным воздействием, их правопослушное поведение, к отступлению от принципов уголовно-исполнительного законодательства (статьи 8 и 9 УИК Российской Федерации), от

вытекающих из Конституции требований законности, справедливости и верховенства права, а также к нарушению конституционного принципа равенства перед законом и судом (*определения от 20 июля 2023 года № 1833-О, от 30 мая 2024 года № 1406-О и от 26 сентября 2024 года № 2156-О*).

В этой связи Конституционный Суд неоднократно указывал на возможность дополнительного ограничения прав осужденного в случае, если эти ограничения обусловлены его противоправным поведением в период отбывания наказания. Так, обеспечение права осужденных на охрану здоровья предполагает исполнение такого наказания с учетом состояния их здоровья и не исключает дополнительное ограничение прав осужденного, обусловленное применением мер дисциплинарного взыскания за нарушение режима отбывания наказания (*Постановление от 8 июня 2021 года № 27-П*). Равным образом перевод осужденного в строгие условия, включая проживание в помещениях камерного типа, обусловлен противоправным поведением самого осужденного в период отбывания наказания (*Определение от 24 декабря 2024 года № 3549-О*).

Достоинство как ценность **системно связано со всеми конституционными ценностями**, включая право на свободу и личную неприкосновенность, свободу совести и вероисповедания, свободу мысли и слова, мнений и убеждений. В конкретных правоотношениях эта взаимосвязь проявляется наиболее ощутимо. Например, в сфере социальной защиты проявляет себя тесная соотнесенность справедливости и достоинства. Так, в решениях по вопросам пенсионного обеспечения Конституционный Суд, исходя из необходимости защиты достоинства гражданина, восстанавливает нарушаемую оспариваемым регулированием справедливость.

Из характеризующих достоинство в качестве конституционной ценности положений Основного Закона (статья 1, часть 1; статья 2; статья 7, часть 1; статья 15, часть 4; статья 17, части 1 и 2; статья 18; статья 19, части 1 и 2; статья 21, часть 1) вытекает безусловный запрет на умаление достоинства личности (часть 1 статьи 21). В конституционно-судебной практике понятие «умаление» трактуется в качестве неконституционного публично-властного, как нормативного, так и правоприменительного, воздействия на конституционное право или свободу. Как последовательно подчеркивается в решениях Конституционного Суда (*постановления от 26 октября 2021 года № 45-П, от 2 марта 2023 года № 7-П, от 25 мая 2023 года № 26-П и др.*), право на уважение и охрану достоинства личности, исходя из конституционных предписаний и требований международно-правовых актов, не подлежит какому-либо ограничению, поскольку всякое его ограничение влекло бы нарушение конституционно установленного запрета на его умаление (статья 21, часть 2).

С учетом того, что определение порядка осуществления прав и свобод принадлежит дискреции законодателя, проверка нормативного регулирования на конституционность с необходимостью нуждается в применении метода балансировки, позволяющего установить, не было ли ограничено в рамках

реализации соответствующего права само его существо («ядро») и тем самым умалено человеческое достоинство.

С учетом того, что полноценная реализация конституционных прав и свобод предполагает их **сбалансированность, а также согласованность порядка и форм их осуществления с конституционно установленными обязанностями**, в необходимом уравнивании могут нуждаться отдельные конституционные права, в том числе производные от признания достоинства личности абсолютной ценностью и являющиеся гарантиями его уважения и охраны. Как признает Конституционный Суд, они могут приходить в ситуативные коллизии как между собой, так и с иными конституционными ценностями. Таковы, например, коллизии между правом на защиту чести, достоинства и деловой репутации и правом на свободу распространения информации (*Постановление от 9 июля 2013 года № 18-П*); между неприкосновенностью личной жизни, с одной стороны, и нравственным благополучием и безопасностью – в качестве неотъемлемых гарантий права на уважение и охрану человеческого достоинства ребенка – с другой стороны (*Постановление от 18 января 2024 года № 2-П*); между личными правами должника (в том числе его правами на достойную жизнь и достоинство личности) и имущественными интересами кредиторов (*постановления от 14 апреля 2022 года № 15-П; от 4 июня 2024 года № 28-П*); между правом гражданина на защиту чести, достоинства, деловой репутации и правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (*Постановление от 19 ноября 2024 года № 53-П*) и т.д.

Как следует из правовых позиций Конституционного Суда, в задачи законодателя входит обеспечение такой согласованности. Так, принимая во внимание роль образования в обеспечении достойной жизни и свободного развития человека, подлежат согласованию правила предоставления отсрочки от воинской службы и нормативные сроки получения общего и профессионального образования, которое является основанием для предоставления соответствующей отсрочки (*постановления от 17 апреля 2018 года № 15-П, от 22 мая 2018 года № 19-П, от 23 июля 2020 года № 39-П; Определение от 5 октября 2001 года № 187-О*).

Применительно к названным аспектам рассматриваемой конституционной ценности следует также указать на семантическую и нормативную взаимосвязь категорий «достоинство» и «честь». Показателен учет российским законодательством о государственной службе моральных качеств субъектов служебных правоотношений, что проявляется в закреплении особых требований к служебному поведению лиц, замещающих соответствующие должности на государственной службе. Возможность дальнейшего продолжения служебной деятельности связывается с соответствием служащего данным требованиям.

Ввиду значимости высоких моральных качеств государственных служащих для поддержания авторитета публичной власти в сфере публичной службы охрану достоинства личности обеспечивают, помимо прочего, меры дисциплинарной ответственности за неподобающее поведение, которое, выражаясь в совершении

государственными служащими порочащих их достоинство действий, дискредитирует представляемый ими орган публичной власти.

В этой связи категория «достоинство» и смежная с ней категория «честь», принадлежа к основополагающим **компонентам правового статуса государственного служащего**, определяют не только требования, предъявляемые к его служебному поведению, но и отчасти содержание его служебных обязанностей. В частности, согласно пункту 8 части 1 статьи 18 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» гражданский служащий обязан не совершать поступки, порочащие его честь и достоинство; в статье 26 Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» среди общих обязанностей лиц, проходящих военную службу, закреплена обязанность дорожить воинской честью, боевой славой и войсковым товариществом.

Регулирующие прохождение государственной службы и предполагающие прекращение служебных отношений в случае совершения государственными служащими разных видов федеральной службы порочащего проступка законоположения неоднократно являлись предметом рассмотрения Конституционного Суда.

Так, например, оценив конституционность действующего правового регулирования в той мере, в какой на его основе решался вопрос о восстановлении на службе в органах внутренних дел гражданина, уволенного в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, если обстоятельства (данные), в связи с которыми его действия (бездействие) признаны таким проступком, стали также основанием для возбуждения в отношении этого гражданина уголовного дела, завершившегося вынесением оправдательного приговора (решения о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования по реабилитирующим основаниям), Конституционный Суд указал на следующее. При осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время сотрудник органов внутренних дел должен заботиться о сохранении своих чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти. Соответственно, нельзя не учитывать, что проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел, имея сложную правовую природу, может характеризоваться не только нарушением нравственных принципов и норм, но и наличием признаков неправомερных деяний, ответственность за которые наступает в соответствии с нормами различных отраслей права (*Постановление от 8 ноября 2023 года № 51-П*).

С учетом данного вывода был выявлен конституционно-правовой смысл оспариваемых законоположений, регулирующих рассмотрение судом гражданского дела о восстановлении на службе в органах внутренних дел

гражданина, уволенного в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, если совершение деяния, послужившего причиной увольнения, стало также основанием для возбуждения в отношении него уголовного дела, завершившегося вынесением оправдательного приговора (решения о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования по реабилитирующим основаниям). Согласно решению Конституционного Суда указанное регулирование соответствует Конституции при соблюдении ряда условий.

Во-первых, установление судом факта соблюдения порядка увольнения сотрудника органов внутренних дел со службы, в том числе наличия на момент принятия решения о таком увольнении данных, достаточных для его принятия, не может быть основанием для вывода о законности увольнения без учета завершения уголовного дела в отношении указанного лица оправдательным приговором (решением о прекращении в отношении него уголовного дела и (или) его уголовного преследования по реабилитирующим основаниям), притом что сам факт такого оправдания (прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования по реабилитирующим основаниям) дает основание для обращения гражданина в суд с требованием о восстановлении на службе с исчислением срока на такое обращение со дня вступления в силу оправдательного приговора либо решения о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования по реабилитирующим основаниям.

Во-вторых, оправдательный приговор (решение о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования по реабилитирующим основаниям) должен содержать вывод о недоказанности факта совершения лицом конкретных действий (бездействия), относящихся к событию или составу соответствующего преступления (о его непричастности к их совершению), на основании которого уполномоченным органом ранее принято решение об увольнении этого лица за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел; данный вывод обязателен для суда, рассматривающего дело о восстановлении на службе уволенного сотрудника, в смысле отсутствия оснований считать данное деяние имевшим место в том значении, которое ему придается для целей уголовного преследования.

В-третьих, если суд полагает, что завершение уголовного дела в отношении ранее уволенного сотрудника оправдательным приговором (решением о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования по реабилитирующим основаниям) не затрагивает вопроса о правомерности его увольнения, он обязан обосновать свою позицию с учетом оправдательного приговора (решения о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования по реабилитирующим основаниям), в котором содержится вывод о недоказанности факта совершения лицом конкретных действий (бездействия) (о его непричастности к их совершению), указав в решении, какие действия (бездействие) уволенного сотрудника образуют состав проступка, порочащего

честь сотрудника органов внутренних дел и являющегося основанием для его увольнения.

По итогам проверки положения подпункта «в» пункта 1 статьи 43 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которому помимо оснований, предусмотренных законодательством Российской Федерации о труде, прокурорский работник может быть уволен по инициативе руководителя органа или организации прокуратуры в случае нарушения Присяги прокурора, а также совершения проступков, порочащих честь прокурорского работника, Конституционный Суд признал оспариваемую норму не противоречащей Конституции в той мере, в какой она не предполагает увольнения нарушившего Присягу прокурора без соблюдения предусмотренных законом сроков наложения дисциплинарного взыскания (*Постановление от 6 июня 2022 года № 24-П*).

В целом поддержание баланса между образующими системное единство, не исключаящего, однако, ситуативные противоречия, конституционно защищаемыми ценностями, целями и интересами выступает первостепенной задачей конституционного правосудия. Вне этого баланса невозможны ни защита конституционных прав и свобод, включая право на уважение и охрану человеческого достоинства, ни полноценное осуществление каких бы то ни было конституционных положений вообще. При этом его установлению способствует последовательное применение в практике конституционного нормоконтроля принципа уважения и охраны человеческого достоинства.

Защита человеческого достоинства охватывает и посмертный период. В этой связи на публичной власти лежит обязанность по обеспечению достойного отношения к памяти человека.

В частности, поскольку конституционное право на охрану достоинства личности распространяется не только на период жизни человека, оно обязывает государство создавать правовые гарантии для защиты чести и доброго имени умершего, сохранения достойного к нему отношения, что в свою очередь предполагает обязанность компетентных органов исходить из необходимости обеспечения близким родственникам умершего доступа к правосудию и судебной защиты в полном объеме (*Постановление от 14 июля 2011 года № 16-П*).

Защитой человеческого достоинства во взаимосвязи с конституционно гарантированными правом на неприкосновенность частной жизни, а также свободой совести и вероисповедания предопределяется необходимость достойного отношения к умершему, выражающегося, в частности, в обрядовых действиях по погребению. Судебный порядок разрешения эксгумации направлен на защиту права человека быть погребенным после смерти согласно его волеизъявлению, с соблюдением религиозных и иных обрядов, которое, как отметил Конституционный Суд, вытекает из конституционно гарантированного уважения человеческого достоинства в системной взаимосвязи с правом на свободу и личную неприкосновенность, свободу совести и вероисповедания,

свободу мысли и слова, мнений и убеждений (*Постановление от 28 июня 2007 года № 8-П*).

Следуя этому подходу, Конституционный Суд отмечает важность правовых гарантий уважения волеизъявления гражданина, национальных и религиозных обычаев и традиций, а также судебного порядка разрешения эксгумации, обеспечивающего соблюдение названных условий (*определения от 28 февраля 2019 года № 321-О, от 20 июля 2023 года № 1791-О и др.*). При этом близкий родственник или родственник погибшего, участвующий в уголовном деле в качестве потерпевшего, вправе дать согласие или же возражать против предполагаемой (планируемой) следователем эксгумации покойного вне зависимости от того, в какой форме и когда следователь уведомил о своем намерении или решении извлечь труп из места захоронения (*Определение от 20 июля 2023 года № 1791-О*). Отсутствие такого согласия, а тем более наличие возражений, исключает проведение эксгумации без разрешения суда, для получения которого следователь обращается в суд по правилам части 1 статьи 165 «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия» УПК Российской Федерации.

Не прекращаются в связи со смертью и гарантии права на неприкосновенность частной жизни и на врачебную тайну, которая не становится общедоступной только в силу указанного обстоятельства. Конституция предусматривает возможность установления в отношении информации, относящейся к врачебной тайне, специального правового режима, в том числе режима ограничения свободного доступа к ней со стороны граждан, учитывая при этом, что гарантии защиты частной жизни, чести и достоинства умершего и доброй памяти о нем, как и защиты прав и законных интересов его близких, не могут быть исключены из сферы общего (публичного) интереса в государстве, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью (*Постановление от 13 января 2020 года № 1-П*). Вместе с тем это не исключает создания правового механизма, в рамках которого к определенным сведениям о здоровье умершего пациента может быть предоставлен доступ, если это обусловлено имеющими значение мотивами, а именно определением происхождения, выяснением обстоятельств смерти родственника и др. (*Определение от 9 июня 2015 года № 1275-О*).

Тем самым достоинство как конституционная ценность не только воздействует на прижизненный статус личности, но и предполагает надлежащую посмертную защиту. Она проявляется в том числе в достойном обращении с телом умершего человека, что, предполагая сбалансированный учет нравственных, социальных и иных аспектов при осуществлении такого вида посмертного медицинского вмешательства, как трансплантация органов и (или) тканей от одного человека к другому, требует конституционно согласованного регулирования соответствующих соматических прав (*определения от 4 декабря 2003 года № 459-О, от 10 февраля 2016 года № 224-О*), а также в уважении воли наследодателя (*Постановление от 27 марта 2025 года № 14-П*).

Другим примером посмертной защиты человеческого достоинства может служить выраженная Конституционным Судом правовая позиция, согласно которой **государственная награда** как нематериальное благо не может оцениваться в денежном выражении, а потому свободный оборот знаков государственных наград умалял бы, помимо прочего, достоинство награжденного соответствующим знаком отличия лица. В данной связи Конституционный Суд выявил конституционно-правовой смысл статьи 324 УК Российской Федерации как предполагающей возможность возложения уголовной ответственности за незаконный сбыт государственных наград СССР – в силу общности правового режима государственных наград Российской Федерации и государственных наград СССР – на лиц, у которых они хранятся (которым они переданы) после смерти награжденного, при условии обязательного учета реальной степени общественной опасности такого деяния (*Постановление от 27 февраля 2020 года № 10-П*).

Наряду с защитой *post mortem* темпоральное измерение достоинства как конституционной ценности в определенных случаях предполагает, в соответствии с высказанной Конституционным Судом позицией, и защиту достоинства лица, появившегося на свет уже после события, которое впоследствии стало причинять данному лицу физические или нравственные страдания.

Несмотря на то, что гражданская правоспособность физического лица возникает в момент его рождения и прекращается смертью и, соответственно, согласно утвердившемуся подходу до момента рождения физическое лицо как субъект гражданского права отсутствует и не может обладать нематериальными благами, подлежащими гражданско-правовой защите, это не означает, как было разъяснено Конституционным Судом, что лицо, родившееся и приобретшее гражданскую правоспособность уже после события, которое впоследствии стало причинять ему физические или нравственные страдания, не обладает правом на компенсацию морального вреда. Оценивая законоположения, определяющие, что правоспособность гражданина возникает в момент его рождения, применительно к возможности требования компенсации морального вреда, причиненного ребенку гибелью отца, произошедшей до его рождения, Конституционный Суд пришел к выводу о возможности такой защиты. Отметив, что по общему правилу сам факт причинения морального вреда подлежит доказыванию, а размер денежной компенсации подлежит обоснованию, он в то же время указал на то, что обстоятельства дела могут свидетельствовать о причинении гражданину физических или нравственных страданий действиями, которые явным образом нарушают его личные неимущественные права либо посягают на принадлежащие ему нематериальные блага. Эта позиция в полной мере применима в ситуации, обусловленной смертью одного из родителей, когда факт причинения морального вреда ребенку во всяком случае должен предполагаться, в том числе если на момент смерти отца ребенок еще не родился. Иной подход к вопросу о компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти отца, не только снижал бы уровень конституционно-правовой

защищенности прав таких детей, предопределяемый сложившимся в правовом государстве конституционным порядком, но и создавал бы в системе действующего правового регулирования, призванного обеспечить эффективную защиту конституционно значимых ценностей (в первую очередь – самого человека, его прав и свобод, а также достоинства личности), необоснованные препятствия для применения гарантий реализации прав детей на особую заботу и помощь, принципов приоритета их интересов и благосостояния во всех сферах жизни (*Постановление от 2 марта 2023 года № 7-П*).

Согласно последовательно развиваемому Конституционным Судом подходу любое посягательство на личность, ее права и свободы, а тем более на физическую неприкосновенность является одновременно и посягательством на человеческое достоинство, поскольку в этой ситуации человек становится объектом произвола и насилия (*Постановление от 15 января 1999 года № 1-П и др.*). Тем самым, являясь предпосылкой осуществления всех других прав и свобод человека и гражданина, категория достоинства задает руководящие ориентиры их должной реализации.

Государство обязано предпринимать все необходимые для охраны человеческого достоинства меры, в том числе **устанавливая публично-правовую ответственность** за посягательство на него. В частности, как разъяснил Конституционный Суд, обращаясь к конкретным составам преступлений, затрагивающим человеческое достоинство, статья 282 УК Российской Федерации устанавливает ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Данная норма направлена на охрану общественных отношений, гарантирующих признание и уважение достоинства личности независимо от каких-либо физических или социальных признаков (*Определение от 22 апреля 2010 года № 564-О-О*); закрепляя в главе 21 УК Российской Федерации составы преступлений против собственности, законодатель отнес к ним угон, т.е. согласно части первой статьи 166 данного Кодекса неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения; дифференцируя (усиливая) в части четвертой этой статьи ответственность за угон, совершенный с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, он не вышел за пределы своих дискреционных полномочий, а, напротив, учел объективный признак, свидетельствующий о повышенной общественной опасности такого деяния, как посягающего не только на собственность, но и на достоинство личности (*Определение от 21 июля 2022 года № 2056-О*); статья 119 УК Российской Федерации, закрепляющая уголовно-правовой запрет угрозы убийством и причинением тяжкого вреда здоровью, направлена на защиту жизни

и здоровья, позволяет учитывать объективную опасность таких угроз и обеспечивает в том числе превентивную защиту конституционно охраняемых ценностей; данная норма позволяет признавать составообразующим применительно к предусмотренному ею преступлению только такое деяние, которое совершается с умыслом, направленным на восприятие потерпевшим реальности угрозы, когда имеются объективные основания опасаться ее осуществления (*определения от 23 марта 2010 года № 368-О-О и от 24 июня 2014 года № 1345-О*).

Возможность направлять обращения в государственные и муниципальные органы, а также – в силу правовой позиции Конституционного Суда – в выполняющие определенные публично-значимые функции организации, реализуя право гражданина участвовать в принятии решений, затрагивающих его интересы, и в контроле за их исполнением, а также право защищать права и свободы всеми не противоречащими закону средствами, корреспондирует обязанности государства охранять достоинство личности во всех сферах.

Выступая неперенным условием осуществления всех иных конституционных прав и свобод, уважение человеческого достоинства как абсолютной ценности обязывает законодателя предотвращать и устранять из регулирования все, что умаляет достоинство – как непосредственно посягая на него, так и опосредованно, **ввиду низкого качества нормативных актов, их неопределенности, коллизионности и пробельности.**

Нормотворческие отклонения от конституционно обусловленных и неоднократно упоминаемых в решениях Конституционного Суда требований разумности, необходимости, соразмерности, правовой определенности и предсказуемости неблагоприятно сказываются на правовой защищенности человеческого достоинства. Несомненную важность в этом аспекте представляют соблюдение процедурных (регламентных) правил, упорядочивающих нормотворчество, и выполнение требования об официальном опубликовании нормативных правовых актов компетентным органом публичной власти. Конституционно предусмотренное (часть 3 статьи 15 Конституции) требование официального опубликования нормативных правовых актов компетентным органом публичной власти обусловлено общепризнанным принципом правовой определенности. Официальное опубликование нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, обязательно для всех органов, входящих в единую систему публичной власти. Несоблюдение его неизбежно затрагивает достоинство личности (*постановления от 27 марта 2012 года № 8-П и от 27 мая 2021 года № 23-П*)².

От усилий законодателя в немалой степени зависит и конституционно обусловленное качество правоприменения. В частности, требование формальной определенности, предполагающее точность и ясность законодательных

² О конституционно значимых дефектах нормотворчества см.: Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности» (2016 год).

предписаний, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает необходимой гарантией обеспечения эффективной защиты как от произвольных преследования, осуждения и наказания, так и от несоразмерного, избыточного ограничения прав и свобод (*Постановление от 17 июня 2014 года № 18-П*). Неясность и противоречивость правового регулирования, препятствуя адекватному уяснению его содержания и предназначения, допускают возможность неограниченного усмотрения правоприменителя, создают предпосылки для административного произвола и неправосудных судебных решений. Тем самым ослабляются гарантии защиты конституционных прав и свобод, включая право на уважение и охрану человеческого достоинства, ввиду чего само по себе нарушение требования определенности правовой нормы может быть достаточным основанием для признания такой нормы не соответствующей Конституции (*постановления от 20 декабря 2011 года № 29-П, от 19 июля 2017 года № 22-П и др.*).

Помимо указаний на нормативные и правоприменительные предпосылки обеспечения защиты человеческого достоинства, в решениях Конституционного Суда обращается внимание на **важность институциональных предпосылок**, скоординированного взаимодействия всех институтов публичной власти, от которых зависит обеспечение благополучия населения, в решении данной задачи. Помимо федерального уровня, здесь значима роль органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, которые в силу статьи 132 (часть 3) Конституции входят в единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории (*Определение от 31 января 2023 года № 200-О*).

Любой конституционный правопорядок не является аксиологически нейтральным, но представляет собой объективно существующую ценностную систему.

Став в наши дни — в немалой степени благодаря усилиям органов конституционного контроля — основой конституционной аксиологии, человеческое достоинство формирует ценностные смыслы демократии XXI столетия, приобретая во многом решающее значение для процессов конституционализации.

Имея естественное, т.е. до- и внегосударственное происхождение, рассматриваемая ценность стала концептуальным стержнем, обеспечив связь между естественным и позитивным правом, а также между негативными и позитивными аспектами защиты прав человека.

Знаменуя принадлежность каждой личности человеческому сообществу, являясь интегральной по отношению к остальным конституционным ценностям целью, человеческое достоинство по своей аксиологической весомости

превалирует даже над такими ценностями, как свобода и равенство, солидарность и безопасность.

Как следует из изложенного, конституционная ценность человеческого достоинства является одновременно и источником прав человека, и их магистральной целью. Задавая ориентиры нормотворчеству и правоприменению, она определяет и приоритеты конституционно-нормоконтрольной деятельности.

Применительно к достоинству как первичной для конституционной демократии ценности и абсолютному праву иные конституционные права и свободы имеют гарантийное значение. Однако поскольку сущность («ядро») каждого из них охватывается понятием человеческого достоинства, постольку умаление какого-либо права или свободы, по сути, всегда умаляет и человеческое достоинство.

В качестве конституционной ценности достоинство не только неразрывно связано с такими основополагающими конституционными концептами, как равенство (смыкающееся с достоинством в его онтологической проекции) и свобода (смыкающаяся с достоинством в его экзистенциальной проекции), но и гармонизирует их взаимодействие. Универсальность как атрибутивное, наряду с неотъемлемостью, свойство человеческого достоинства указывает на охват этой ценностью всего разнообразия правоотношений, в которые вступает ее носитель — человеческая личность.

При этом предполагаемое данной ценностью уважение достоинства всех членов человеческой семьи утверждает солидарность в отношениях между ними. Поэтому субъект достоинства не изолированный индивид, но социально интегрированная личность, что накладывает определенные ограничения на свободу самоопределения, нуждающиеся в конституционно обусловленном балансе с поддержанием индивидуальной автономии, также являющейся необходимым условием обеспечения человеческого достоинства.

Обеспечение средствами конституционного нормоконтроля человеческого достоинства в качестве первичной ценности, помимо прочего, укрепляет легитимность конституционной юстиции как особой формы осуществления судебной власти, вызванной к жизни насущной потребностью правовой демократии в юрисдикционной защите своих ценностных устоев. Согласовывая законодательное регулирование (в сочетании с системно связанным с ним правоприменением) с предписаниями Основного Закона, конституционно-судебная практика гарантирует неприкосновенность основ конституционного строя, незыблемость прав и свобод человека и гражданина, к которым нераздельно принадлежит право на уважение и охрану человеческого достоинства.

1.2. Конституционный принцип уважения и охраны человеческого достоинства

Значение достоинства как конституционной ценности диктует проявляемое при любых обстоятельствах уважение человеческой личности. Из этого уважения, в свою очередь, следует безусловное соблюдение пределов конституционно допустимого отношения к человеческой личности, выход за которые расценивается как унижающее и бесчеловечное обращение. Расходящееся с буквой и духом Основного Закона законодательное регулирование, в том числе по смыслу, придаваемому ему на практике, препятствует надлежащей защите человеческого достоинства.

Ценностная значимость категории достоинства определяет ее функциональную важность для конституционного правосудия как нормоконтрольного критерия. Человеческое достоинство в практике конституционного нормоконтроля выступает — благодаря абсолютному и универсальному характеру данной ценности — мерилom конституционного толкования, во многом определяя итоговую оценку проверяемых законоположений, включая выявляемый конституционно-правовой смысл.

Превращение принципа уважения и охраны человеческого достоинства, наряду с принципами справедливости, равенства и свободы, в герменевтический знаменатель современного конституционного толкования, отражая общемировую тенденцию, далеко не случайно³. Обращение к нему при проверке конституционности конкретных законоположений в системной связи с реализующим их правоприменением способствует не только выявлению конституционного смысла действующего законодательства, но и конкретизации нормативного содержания конституционных положений.

Присущая человеческому достоинству как конституционной ценности универсальность позволяет соотносить его, опираясь на рассматриваемый принцип, со всем спектром основных прав и свобод. Проецируясь на конституционные права и свободы, рассматриваемый принцип, во многих отношениях являясь руководящим ориентиром конституционного толкования, обогащает их новыми значениями.

³ В своих решениях и аналитических документах Конституционный Суд указывает на «принцип уважения и охраны человеческого достоинства» (см., напр., *Постановление от 16 декабря 2014 года № 33-П, Определение от 15 февраля 2005 года № 17-О, Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля», одобрена решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 года*), «принцип охраны достоинства личности» (см., напр., *определения от 1 декабря 1999 года № 211-О и от 6 марта 2013 года № 354-О*), «принцип уважения достоинства личности» (см., напр., *постановления от 14 июля 2011 года № 16-П, от 19 ноября 2013 года № 24-П и от 21 ноября 2017 года № 30-П; Определение от 30 марта 2023 года № 675-О*), «принцип уважения человеческого достоинства» (см., напр., *Постановление от 9 июля 2024 года № 36-П, определения от 21 ноября 2022 года № 3015-О и от 29 сентября 2022 года № 2195-О*), «принцип уважения чести и достоинства личности» (см., напр., *Определение от 24 октября 2019 года № 2737-О*). Безотносительно к некоторым редакционно-стилистическим различиям все эти термины равным образом отражают значение рассматриваемой правовой категории в качестве конституционного принципа уважения и охраны человеческого достоинства.

Предполагая защиту физической и психической целостности человеческой личности, конституционное признание достоинства обуславливает допустимые ограничения основных прав и свобод, включая пределы личной свободы, свободы совести и свободы мысли. Соответственно, в качестве конституционного принципа именно человеческое достоинство во многом определяет результат осуществляемой в ходе конституционного нормоконтроля балансировки отдельных основных прав и стоящих за ними конституционных ценностей. Поскольку несоразмерное ограничение, покушаясь на существо конкретного права или свободы (именуемое также в доктрине «ядром» и «экзистенциальным минимумом»), всегда посягает на человеческое достоинство, постольку именно в силу принципа человеческого достоинства сущность конституционных прав и свобод не может подвергаться каким бы то ни было ограничениям.

Исходя из безусловной ценности каждой личности, в силу которой она обладает всей совокупностью прав и свобод, рассматриваемый принцип, помимо прочего, призван быть определяющим и для отношений между публичной властью и гражданами, и для взаимодействия частных лиц.

Примерами применения принципа уважения и охраны человеческого достоинства в качестве нормоконтрольного критерия выступают, по существу, все решения Конституционного Суда, мотивировочная часть которых содержит отсылку к статье 21 Конституции Российской Федерации.

Влияние конституционного принципа уважения и охраны человеческого достоинства на отраслевое регулирование предопределяется как в целом **надотраслевой значимостью Основного Закона**, которая, среди прочего, проявляется в действии конституционных принципов, оказывающих влияние на всю правовую систему, так и непосредственно присущими человеческому достоинству как общеправовой категории свойствами. Опора на данный принцип, сделав возможной универсализацию категории человеческого достоинства в масштабе совокупно регулируемого всеми отраслями правового положения личности, обусловила превалирующее значение человеческого достоинства в системе конституционных прав и свобод.

В качестве конституционного принципа категория достоинства — критерий, непременно применяемый при проверке конституционности правовой нормы. Нарушая конституционные гарантии человеческого достоинства, его умаление как публично-властное воздействие (нормативное, правоприменительное), препятствующее уважению и охране достоинства, всегда негативно воздействует на правосубъектность личности в целом.

В соответствии с неоднократно выраженной Конституционным Судом правовой позицией ввиду неделимости человеческого достоинства всякое его ограничение оказывается умалением, а потому недопустимо. Равным образом недопустимо ограничение иных прав и свобод, влекущее умаление достоинства. Таким образом, общий характер запрета на умаление человеческого достоинства

распространяется на осуществление всех конституционных прав и свобод при их последующей нормативной конкретизации и правоприменительной реализации. Так, например, уже на начальном этапе своей деятельности Конституционный Суд, исходя из того, что конституционно предусмотренный запрет произвольного лишения гражданства продиктован прежде всего уважением достоинства личности, указал, что произвольное, без учета волеизъявления гражданина лишение или даже временное прекращение законно приобретенного гражданства умаляет, помимо прочего, достоинство личности, что является недопустимым как при издании, так и при применении законов (*постановления от 16 мая 1996 года № 12-П, от 4 октября 2016 года № 18-П*). Надлежащая регламентация данного вопроса приобретает особое значение с учетом принятия в состав Российской Федерации новых субъектов, опосредуемого международными договорами, проверявшимися на соответствие Конституции и содержащими специальные положения, посвященные определению гражданства лиц, проживающих на соответствующих территориях (*постановления от 19 марта 2014 года № 6-П, от 2 октября 2022 года № 36-П, № 37-П, № 38-П и № 39-П*).

Как было отмечено, принцип уважения и охраны человеческого достоинства является – наряду с принципами справедливости и равенства, правовой определенности, поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, соразмерности (пропорциональности) ограничения прав и свобод, эффективной судебной защиты, разделения властей и обусловленной им системы сдержек и противовесов – методологически значимым критерием выявления пробелов в законодательстве и оценки их конституционности. В контексте защиты человеческого достоинства беспробельность законодательного регулирования приобретает особую важность в социальной сфере, напрямую связанной с обеспечением конституционных прав на жизнь и охрану здоровья, которые согласно правовой позиции Конституционного Суда являются высшим благом. Без них утрачивают свое значение все остальные блага и ценности, а потому забота о жизни и здоровье граждан составляет одну из основополагающих конституционных обязанностей государства (*Постановление от 25 декабря 2020 года № 49-П*).

В конституционных жалобах нередко ставится вопрос о нарушении конституционных прав и свобод ввиду отсутствия того или иного законоположения. Пробельность закона, если она приводит к такому его истолкованию и применению, которое нарушает конкретные конституционные права, является основанием проверки конституционности. Не вторгаясь в прерогативы законодателя, Конституционный Суд использует различные приемы преодоления неконституционной пробельности, указывая необходимые способы ее устранения (дисквалификация пробельного законоположения, выявление конституционно-правового смысла).

С учетом того, что последствием признания нормативного положения не соответствующим Конституции является утрата им юридической силы, а это создает для рассматриваемого регулирования риски пробельности, затрагивающей

права и свободы и не преодолимой правоприменителем путем непосредственного применения Конституции, предпочтительным итогом проверки конституционности является – при наличии к тому объективной возможности – **конституционно-правовое истолкование оспариваемой нормы**. Выявлением общеобязательного и исключаящего любое иное истолкование в правоприменительной практике конституционно-правового смысла нормы восполняется ослабляющая конституционные гарантии человеческого достоинства пробельность.

Принцип уважения и охраны человеческого достоинства **воздействует на реализацию всех групп прав и свобод**.

Одним из примеров, в частности, может служить влияние рассматриваемого принципа на нормативное регулирование в области уголовного права. Как следует из выраженной Конституционным Судом правовой позиции, в случае, если сама природа соответствующего вида уголовного наказания позволяет минимизировать риски потенциально опасного и во всяком случае психологически болезненного для потерпевшего взаимодействия с осужденным, причинившим ему боль, страдания и (или) унижение человеческого достоинства, такая возможность должна быть реализована в нормативном регулировании, с тем чтобы суд мог выбирать в предусмотренных уголовным законом пределах и на основании установленных этим законом правил назначения наказания его вид и конкретное содержание в рамках избранного вида с учетом обстоятельств дела, личности подсудимого, других предусмотренных уголовным законом критериев. Тем самым при ограничении свободы как виде уголовного наказания необходимо гарантировать недопущение возможного повторного посягательства на права потерпевших, включая их человеческое достоинство (*Постановление от 31 января 2024 года № 4-П*).

Осуществляемая с опорой на принцип уважения и охраны человеческого достоинства балансировка отдельных конституционных ценностей (например, свобода и равенство) позволяет смягчить последствия противоречий между трудовыми и социальными правами, с одной стороны, и экономическими свободами, с другой стороны. В своих решениях Конституционный Суд неизменно указывает как на неразрывную связь, существующую между правовым демократическим государством и социально ориентированной рыночной экономикой, так и на взаимодействие конституционных положений о создании условий для достойной жизни и свободного развития человека (статья 7), а также для взаимного доверия государства и общества (статья 75.1), гарантирующих защиту достоинства граждан и уважение человека труда (*Постановление от 17 марта 2022 года № 11-П*).

Это, помимо прочего, отвечает как конституционному принципу социальной и экономической солидарности, предполагающему объединение усилий для оказания поддержки людям, которые в силу объективных обстоятельств нуждаются в повышенной заботе, так и принципу единства публичной власти, которое выражается в едином целеполагании: права и свободы

человека определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, что требует согласованного действия различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан (*Заключение от 16 марта 2020 года № 1-3*).

С учетом сказанного принцип уважения и охраны человеческого достоинства определяет подходы Конституционного Суда к **правовому регулированию в сфере трудовых, социальных и жилищных правоотношений.**

Конституционные положения о защите достоинства обуславливают юридическую меру притязаний индивидов на определенный уровень материальной обеспеченности, гарантирующую действительную реализацию социальных прав (*Определение от 15 февраля 2005 года № 17-О*). Воплощая важнейшее социальное благо, без которого немыслима правовая демократия, человеческое достоинство – исходя из конституционных предписаний, а также требований международных правовых актов (преамбула, статьи 1 и 5 Всеобщей декларации прав человека; преамбула, статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах) – предполагает повышенный уровень гарантий со стороны государства.

В рассматриваемом аспекте показательны подходы Конституционного Суда к проблеме **исполнительского иммунитета единственного жилья должника.** Уже в первом своем решении по этому вопросу Конституционный Суд исходил из необходимости защиты человеческого достоинства (*Определение от 4 декабря 2003 года № 456-О*). В дальнейшем было подтверждено, что применение исполнительского иммунитета к единственному жилью направлено на защиту конституционного права на жилище не только самого гражданина-должника, но и членов его семьи, а также на обеспечение указанным лицам нормальных условий существования и гарантий их социально-экономических прав и в конечном счете на реализацию обязанности государства охранять достоинство личности. В то же время Конституционный Суд обратил внимание на то, что в той мере, в какой регулирование не устанавливает необходимости принимать во внимание параметры единственного жилья (размер, качественные показатели, стоимость), не исключены возможности злоупотреблений со стороны недобросовестных должников, использующих имущественный (исполнительский) иммунитет в целях неисполнения, ненадлежащего исполнения своих гражданско-правовых обязательств перед кредиторами, в частности путем приобретения за денежные средства, в том числе неосновательно накопленные, дорогостоящего жилого помещения, на которое, как на единственное для них жилье, нельзя обратить взыскание (*Постановление от 14 мая 2012 года № 11-П*).

С введением в российское законодательство института банкротства физических лиц Конституционным Судом были дополнительно разъяснены соответствующие положения гражданского процессуального законодательства (предусматривающие перечень объектов, на которые распространяется исполнительский иммунитет) и законодательства о банкротстве.

Законодательство, отмечает Конституционный Суд, не предполагает безусловного отказа в обращении взыскания на жилые помещения, если суд считает необоснованным применение исполнительского иммунитета, в том числе при несостоятельности (банкротстве) гражданина-должника. Однако отказ в применении этого иммунитета не должен оставить гражданина-должника без жилища, пригодного для проживания самого должника и членов его семьи (с учетом его площади). При этом суду требуется принять во внимание соотношение рыночной стоимости жилого помещения с величиной долга, погашение которого в существенной части могло бы обеспечить обращение взыскания на жилое помещение. Наконец, ухудшение жилищных условий вследствие отказа гражданину-должнику в применении исполнительского иммунитета не может вынуждать его к изменению места жительства (поселения), если он сам не согласится с этими последствиями (*Постановление от 26 апреля 2021 года № 15-П*).

Восстановление конституционной справедливости в сфере оплаты труда, обеспечивая уважение человека труда, отстаивает тем самым и достоинство личности как таковое. В делах, связанных с проверкой конституционности соответствующего регулирования, конституционно-судебная практика всегда обращается к принципу уважения и охраны человеческого достоинства, предполагающего уважение человека труда, как к одному из ключевых нормоконтрольных критериев. Так, например, при оценке конституционности положений Трудового кодекса Российской Федерации применительно к отношениям по оплате труда педагогических работников Конституционный Суд отметил, что оспариваемые нормы не предполагают включения в состав заработной платы (части заработной платы) педагогического работника, не превышающей минимального размера оплаты труда, дополнительной оплаты за выполнение с письменного согласия педагогического работника дополнительной работы, не входящей в его основные должностные обязанности в соответствии с квалификационными характеристиками по замещаемой им должности, и (или) учебной (преподавательской) работы сверх установленной нормы часов (*Постановление от 23 сентября 2024 года № 40-П*).

Помимо конституционно-юрисдикционной защиты социально-экономических прав (в частности, минимальные размеры пенсий; социальные выплаты гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС) обращения к принципу уважения и охраны человеческого достоинства с очевидностью требует оценка регулирования в сфере публичной ответственности, для которой характерно наиболее серьезное ограничение конституционных прав и свобод (*постановления от 19 июня 2002 года № 11-П, от 14 июля 2011 года № 16-П, от 26 ноября 2012 года № 28-П и от 19 ноября 2013 года № 24-П*).

Конституционный принцип уважения и охраны человеческого достоинства применяется, помимо прочего, для **установления пределов допустимых**

ограничений иных прав и свобод — в целях ограждения человеческого достоинства от возможного умаления при их ограничении.

Определяя с учетом конституционных требований критерии допустимости ограничений конституционных прав и свобод, Конституционный Суд указывает, что цели таких ограничений должны быть не только юридически, но и социально оправданны, а сами ограничения – соразмерны этим целям; при допустимости ограничения федеральным законом того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями следует использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если они адекватны социально необходимому результату; в ходе правового регулирования недопустимо искажение самого существа конституционного права или свободы, а задачи одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод (*постановления от 18 февраля 2000 года № 3-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 22 июня 2010 года № 14-П, от 13 июля 2010 года № 16-П, от 20 июля 2012 года № 20-П, от 9 января 2019 года № 1-П, от 28 декабря 2022 года № 59-П и от 31 октября 2024 года № 49-П*).

Одним из наглядных примеров может служить воздействие принципа уважения и охраны человеческого достоинства на определение конституционно обусловленных ограничений таких конституционных прав, как свобода слова и информации.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда в условиях развития информационного общества естественно появление в печатных средствах массовой информации и особенно в сети Интернет публикаций, в которых гражданин идентифицируется посредством указания его персональных данных, а также могут высказываться негативные суждения о соответствующем лице и о его деятельности. Таковы неизбежные проявления свободы информации в демократическом обществе (*постановления от 9 июля 2013 года № 18-П и от 25 мая 2021 года № 22-П*). Однако конституционно гарантированное право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, свобода массовой информации и запрет цензуры должны быть согласованы с также гарантируемыми Основным Законом защитой человеческого достоинства, правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, запретом на унижающее человеческое достоинство обращение. Таким образом, осуществление свободы слова и информации не должно нарушать права и свободы других лиц, включая право на уважение и охрану человеческого достоинства. С учетом конституционно возложенной на государство обязанности охранять достоинство личности во всех сферах (*Определение от 28 июня 2018 года № 1662-О*) средства массовой информации должны проводить модерацию размещаемых на их сайтах третьими лицами сведений, предположительно

содержащих не соответствующие действительности утверждения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию медицинского работника, а также не допускать наличия на своем сайте исходящих от третьих лиц оценок, не относящихся к профессиональной деятельности медицинского работника, и очевидно противоправных высказываний (*Постановление от 25 мая 2021 года № 22-П*).

Функциональное значение рассматриваемого принципа как средства конституционной интерпретации заключается в обеспечении системности толкования как при определении нормативного содержания конституционных норм, так и при оценке конституционности текущего регулирования (в первую очередь допустимости законодательно установленных ограничений прав и свобод). Аналогичным образом в свете принципа уважения и охраны человеческого достоинства определяется объем конституционного права на судебную защиту (статья 46 Конституции) с включением в него, помимо прочего, притязания на исполнение вступивших в законную силу судебных решений. Так, в частности, данное право не должно предполагать по общему правилу возможности обращения взыскания на единственное жилое помещение должника и членов его семьи (*Постановление от 14 мая 2012 года № 11-П*).

Обретая значение конституционного принципа и тем самым нормоконтрольного критерия, категория достоинства играет существенную роль в важнейшей для методологии конституционной юриспруденции оценке соразмерности (пропорциональности) ограничений прав и свобод, которая предполагает выяснение, имело ли место публичное вмешательство в конституционные права и свободы, преследовало ли такое вмешательство легитимную цель, отсутствуют ли менее ограничительные способы достижения этой же цели и был ли соблюден, таким образом, баланс частных и публичных интересов⁴.

Так, законодательно установленный порядок реализации гражданами права на обращение, определяемый с учетом конституционного требования об уважении достоинства личности, не предполагает возможности нарушения при этом прав и свобод других лиц, в частности, путем направления обращения, в котором содержатся нецензурные либо оскорбительные выражения, поскольку заявитель, используя нецензурные либо оскорбительные выражения, преследует цель не защитить свои права и законные интересы, а унижить честь и достоинство лица, рассматривающего обращение, либо иных лиц (*определения от 13 октября 2009 года № 1342-О-О и от 5 декабря 2019 года № 3272-О*).

Отмечая, что на территории Российской Федерации лицам, не состоящим в ее гражданстве, должна быть обеспечена возможность реализации прав и свобод, гарантированных им Конституцией, а также государственная, включая судебную, защита от дискриминации на основе уважения достоинства личности,

⁴ О методологии конституционной интерпретации, включая оценку соразмерности (пропорциональности), см. также: Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля» (2021 год).

Конституционный Суд подчеркивает, что данные требования подлежат обязательному соблюдению и при определении и применении правил пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, а также норм об ответственности за нарушение данных правил (*постановления от 6 октября 2022 года № 41-П, от 7 июля 2023 года № 37-П и др.*). Наряду с этим государство обладает суверенным правом использовать действенные законные средства, которые позволяли бы ему контролировать на своей территории иностранную миграцию и, в частности, определять соответствующий режим пребывания (проживания) на территории страны иностранных граждан. Таким образом, безусловное признание права на уважение и охрану достоинства за иностранцами и лицами без гражданства не исключает суверенного права государства отказать им в пребывании (проживании) на своей территории (*Постановление от 29 мая 2018 года № 21-П, Определение от 12 марта 2021 года № 378-О и др.*).

В целом, обусловленное конституционным принципом уважения и охраны человеческого достоинства обращение к категории достоинства как к нормоконтрольному критерию позволяет в том числе определить – в негативной модальности, через указание на все то, что содержанием соответствующего права заведомо не охватывается, – объем отдельных прав и свобод, а следовательно, установить конституционно обусловленные пределы их ограничения.

Между принципом уважения и охраны человеческого достоинства в качестве нормоконтрольного критерия и **остальными, системно дополняющими и уравновешивающими друг друга конституционными принципами, а также иными конституционными положениями** – от справедливости и равенства до закрепленного в ходе конституционной реформы 2020 года принципа солидарности – существует тесная, устойчиво проявляющая себя в конституционно-судебной практике взаимосвязь.

В частности, именно в контексте принципа уважения и охраны человеческого достоинства трактуется конституционное положение (часть 2 статьи 24) о праве каждого получать информацию, непосредственно затрагивающую его права и свободы, и об обязанности органов публичной власти и их должностных лиц предоставлять гражданину соответствующие сведения с соблюдением пределов данного права, ограничиваемого содержанием соответствующей информации (*постановления от 18 февраля 2000 года № 3-П и от 17 февраля 2015 года № 2-П; определения от 6 июля 2000 года № 191-О, от 19 февраля 2003 года № 78-О, от 18 декабря 2003 года № 429-О, от 7 ноября 2008 года № 1029-О-П, от 29 сентября 2011 года № 1251-О-О, от 6 октября 2015 года № 2443-О и № 2444-О и др.*).

Правовое регулирование, согласно последовательно высказываемой Конституционным Судом правовой позиции, должно отвечать принципу **поддержания доверия граждан к закону и действиям государства**, который, составляя одну из основ взаимоотношений личности и публичной власти и будучи тем самым системно связан с принципом уважения и охраны

человеческого достоинства, предполагает разумную стабильность регулирования и системно связанного с ним правоприменения, что, среди прочего, означает недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему правовых норм. Это, в свою очередь, диктует необходимость установления компенсаторных и гарантийных механизмов, призванных смягчать возможные неблагоприятные последствия преобразований, осуществляемых в соответствующих сферах общественных отношений. Помимо того, свобода усмотрения, которой располагают нормотворческие органы, не освобождает от обязанности соблюдения конституционно обусловленного требования соразмерности между используемыми средствами и поставленной целью. Наряду с этим требования, касающиеся стабильности правового регулирования, обеспечения соблюдения конституционных принципов равенства и справедливости, не означают, что законодатель не вправе изменять правового регулирования либо устанавливать обоснованную дифференциацию условий реализации соответствующих прав.

В правоприменительной сфере принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, гарантируя защиту человеческого достоинства, предполагает, что решения уполномоченных государством органов принимаются на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательной и ответственной оценки фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение, прекращение прав (*Постановление от 14 января 2016 года № 1-П*).

Конституционный Суд, исходя из принципа уважения и охраны человеческого достоинства, в необходимых случаях расширительно трактует иные, системно связанные с ним, принципы. Так, например, принцип поддержания доверия, как было разъяснено, применим в отношении не только с органами публичной власти, но и с иными субъектами, чья деятельность тесно связана и ассоциируется с государством. К числу таких субъектов отнесена, например, формально являющаяся акционерным обществом организация, которая оказывает почтовые услуги и в силу своего квазипубличного статуса должна действовать в отношениях с гражданами с повышенным стандартом осмотрительности и внимательности, притом что доступность почтовой связи и надлежащее оказание почтовых услуг относятся к числу важнейших факторов, определяющих качество жизни населения и уровень развития экономики (*Постановление от 28 декабря 2022 года № 59-П*).

Системные связи, соединяющие принцип уважения и охраны человеческого достоинства с иными конституционными принципами, обладают очевидной значимостью для конституционной интерпретации.

К кругу соответствующих принципов принадлежит и принцип судебной защиты. Верховенство права предполагает, во-первых, приоритет правового закона в системе нормативного регулирования, во-вторых, определяющий характер прав и свобод человека и гражданина применительно к смыслу, содержанию и реализации законодательства. Исходя из нераздельности

верховенства права и независимого суда, Конституционный Суд видит в **эффективной судебной защите** важнейшую гарантию уважения человеческого достоинства.

Находящееся в неразрывном единстве с утверждающим приоритет личности и ее прав принципом уважения и охраны человеческого достоинства, согласно которому достоинство личности должно быть защищено во всех сферах, право на судебную защиту по смыслу правовых позиций Конституционного Суда выступает гарантией в отношении всех других конституционных прав и свобод, а его нормативное содержание включает право обжалования принятых органами публичной власти и их должностными лицами решений, причем такое обжалование может преследовать не только индивидуальный (частный) интерес, связанный с восстановлением нарушенных прав, но и публичный интерес, направленный на поддержание законности и конституционного правопорядка (*Определение от 2 марта 2006 года № 58-О*).

Будучи универсальным правовым средством государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, право на судебную защиту выполняет обеспечительно-восстановительную функцию в отношении всех других конституционных прав и свобод, совокупно гарантирующих уважение и охрану достоинства личности. Это предопределено особой ролью судебной власти и вытекающими из статей 18, 118 (часть 2), 120 (часть 1), 125, 126 и 128 (часть 3) Конституции ее прерогативами по осуществлению правосудия, в том числе при осуществлении судебного контроля за законностью решений и действий (или бездействия) субъектов публичной власти. В этой связи гарантии судебной защиты должны носить всеобъемлющий характер, с тем чтобы конституционные права и свободы были не иллюзорными, а реально действующими и эффективными.

Поскольку целью правосудия является обеспечение и защита прав и свобод, постольку — с учетом важности соблюдения гарантий человеческого достоинства при взаимодействии граждан с органами публичной власти при отправлении правосудия — от судей, среди прочего, требуется не нарушать права и свободы граждан, в том числе не допускать в процессе судопроизводства высказывания или действия, умаляющие достоинство его участников (*Определение от 7 июня 2011 года № 766-О-О*).

В решениях Конституционного Суда последовательно отстаивается значение судебной защиты для всех видов правоотношений, без каких-либо исключений. В частности, применительно к избирательным правоотношениям, согласно выраженной им правовой позиции, принцип взаимного доверия требует обеспечения государством уверенности граждан в том, что выборы как одна из высших форм непосредственного выражения народом своей власти достигают своей цели, и, соответственно, предполагает закрепление в законе форм контроля, в том числе юрисдикционного, за избирательными процедурами подсчета голосов и подведения результатов выборов. В противном случае гражданин оказывался бы в положении не равноправного субъекта, который может защищать свои права

всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице его органов, а лишь объекта государственной деятельности, что противоречит конституционному требованию уважения и охраны государством достоинства личности во всех сферах, включая политические отношения (*Постановление от 22 апреля 2013 года № 8-П*).

Принцип защиты человеческого достоинства во взаимосвязи с конституционными гарантиями судебной защиты также предполагает, среди прочего, право лица, удаленного в отставку с должности главы муниципального образования, на обращение в суд. Как указал Конституционный Суд, любому лицу, чьи права непосредственно затронуты в процессе удаления в отставку с должности главы муниципального образования, должна быть обеспечена защита в суде его прав и законных интересов. Возможность судебного обжалования, предупреждая необоснованное увольнение с соответствующей должности, служит целям уважения и охраны достоинства личности во взаимоотношениях с муниципальной властью (*Постановление от 27 июня 2013 года № 15-П*).

Располагая достаточной свободой усмотрения при определении способов и процедур судебной защиты, федеральный законодатель вправе устанавливать порядок судопроизводства и требования, обязательные для соблюдения при обращении в суд, но вместе с тем он обязан предоставить участникам судопроизводства такие гарантии права на судебную защиту, которые обеспечивали бы ее полноту и своевременность. В частности, устанавливая и изменяя размеры государственной пошлины, подлежащей уплате при обращении в суд (что является одним из условий реализации права на судебную защиту), федеральный законодатель не может действовать произвольно, умаляя право на доступ к суду и допуская отказ граждан от реализации конституционного права на судебную защиту вследствие их материального положения. Поэтому в целях исключения отказа в доступе к правосудию должны быть предусмотрены определенные льготы при обращении в суд тем гражданам, чье материальное положение требует этого для обеспечения беспрепятственного доступа к правосудию, что согласуется с положениями Конституции, гарантирующими уважение и охрану достоинства личности, поддержание доверия к закону и действиям государства и осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. Более того, положения налогового законодательства не должны – с учетом, в частности, конституционных положений о защите достоинства – иметь декларативного характера, предполагая обязанность публичной власти обеспечить право на судебную защиту, когда размеры государственной пошлины существенно ограничивают или, более того, исключают доступ к суду на общих основаниях. Например, принцип социального государства предполагает поддержку не только граждан с низкими доходами, но и лиц, оказавшихся в конкретный момент в тяжелой жизненной ситуации (в том числе пострадавших от стихийных бедствий либо оказавшихся в зоне чрезвычайной ситуации, военного положения или контртеррористической операции). Несмотря на то, что данные обстоятельства прямо не свидетельствуют

о фактическом отсутствии у граждан возможности оплатить государственную пошлину при обращении в суд, тем не менее с точки зрения рассматриваемого принципа во взаимосвязи с конституционными принципами справедливости, соразмерности (пропорциональности) и социальной солидарности они также должны рассматриваться как основание для освобождения граждан от уплаты государственной пошлины за обращение в суд, по крайней мере до устранения негативных последствий (*Постановление от 10 апреля 2025 года № 16-П; Определение от 13 июня 2006 года № 274-О*).

Содержание юрисдикционных гарантий определяется их ролью в обеспечении конституционных ценностей, включая человеческое достоинство. Как было отмечено Конституционным Судом, принимая во внимание тесную взаимосвязь судебной защиты прав и свобод с охраной достоинства личности, федеральный законодатель обязан обеспечивать, среди прочего, разумные сроки судопроизводства и исполнения судебных актов в разумный срок, при наличии которых правосудие и можно считать отвечающим требованиям справедливости (*постановления от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 22 апреля 2013 года № 8-П*). Исходя из ранее высказанных Конституционным Судом правовых позиций федеральный законодатель в целях полноценной реализации права каждого на справедливое судебное разбирательство его дела в разумный срок ввел в правовое регулирование институт присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок, установив тем самым специальный – вспомогательный к общегражданскому порядку возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов, в том числе судов, – механизм защиты прав на судебную защиту и на справедливое судебное разбирательство (*постановления от 19 июля 2011 года № 17-П, от 13 января 2022 года № 2-П и др.*).

В свете принципа уважения и охраны человеческого достоинства предпосылкой надлежащей судебной защиты выступает **корректное восприятие правовых позиций Конституционного Суда ординарными судами**. Конституционное истолкование подлежащих применению правовых норм в судебной практике является принципиально важным условием отправления правосудия в силу верховенства и прямого действия Конституции. Соответственно, суд общей юрисдикции или арбитражный суд при рассмотрении конкретного дела должен применить норму именно в выявленном Конституционным Судом смысле (*Определение от 11 ноября 2008 года № 556-О-Р*). Конституционный Суд, к исключительной компетенции которого относится признание нормативных актов неконституционными, утрачивающими силу и, следовательно, недействующими и не подлежащими применению, уполномочен устанавливать конституционный режим применения правовых норм, которые сохраняют юридическую силу и действуют (и, соответственно, подлежат применению) именно в пределах конституционно-правовой интерпретации, что обязывает всех правоприменителей, включая суды общей юрисдикции и

арбитражные суды, действовать в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда (*Постановление от 7 ноября 2012 года № 24-П*).

Конституционный нормоконтроль, будучи элементом системы судебной защиты человеческого достоинства и **ключевой юрисдикционной гарантией** этой конституционной ценности, является субсидиарным (резервным) способом защиты нарушенных прав и свобод граждан. Проверка конституционности оспариваемого закона по общему правилу осуществляется в тех случаях, когда без нее соответствующие права и свободы не могут быть защищены (*определения от 12 февраля 2019 года № 274-О и № 275-О*). Тем самым рассмотрение вопроса о конституционности примененного в конкретном деле заявителя нормативного акта, по существу, является – в особенности с учетом требования об исчерпании всех других средств судебной защиты – единственным средством восстановления нарушенных конституционных прав, включая право на уважение и охрану человеческого достоинства.

Тем самым возможность пересмотра конкретного дела, в котором ранее был применен неконституционный нормативный акт, преследует цель обеспечения наиболее полной и эффективной судебной защиты прав заявителя, инициировавшего рассмотрение дела о проверке конституционности нормативного акта, и реализует принцип уважения и охраны человеческого достоинства. Ненадлежащее исполнение содержащегося в постановлении Конституционного Суда указания о пересмотре правоприменительных решений, ранее вынесенных по делу заявителя, ведет, по сути, к отказу в исправлении возможной судебной ошибки и в восстановлении нарушенного права, а потому к умалению не подлежащих ограничению прав на судебную защиту и на охрану достоинства личности, к пренебрежению со стороны суда обязанностью соблюдать Конституцию и законы, к отступлению от начал справедливости и равенства, порождая недоверие к суду, праву и государству (*Постановление от 17 декабря 2024 года № 58-П*). Своевременное и в полном объеме исполнение решений Конституционного Суда, обеспечивая надлежащую защиту человеческого достоинства, скрепляет единство правового пространства, верховенство и прямое действие Конституции Российской Федерации.

Как вытекает из указания закона на то, что Конституционный Суд принимает решение по делу посредством оценки рассматриваемого акта, в том числе по смыслу, придаваемому ему сложившейся правоприменительной практикой, принцип уважения и охраны человеческого достоинства в качестве нормоконтрольного критерия применяется и при **оценке конституционности правоприменения**. Оно должно находиться в системной связи с оспариваемым регулированием, не сводиться к эпизодическим правоприменительным решениям, но обладать устойчивостью и создавать предпосылки для нарушения конституционных прав и свобод. Наличие названных условий в конкретной правоприменительной ситуации создает основание для конституционно-юрисдикционного вмешательства в целях преодоления противоречия между

конституционными положениями о защите достоинства и смыслом, который правоприменитель придает соответствующему законоположению.

Так, например, во взаимосвязи с конституционными положениями о неприкосновенности достоинства личности, принципом недопустимости злоупотребления своими правами (статья 17, часть 3, и статья 75.1) и вытекающим из него общеправовым требованием добросовестности (*постановления от 28 декабря 2022 года № 59-П, от 7 февраля 2023 года № 6-П, от 21 июля 2023 года № 44-П и др.*) принцип уважения и охраны человеческого достоинства применяется при определении баланса между интересами должников и взыскателей. Учет названного принципа, предполагая необходимость исполнения гражданами взятых на себя имущественных обязательств и предоставление кредиторам (взыскателям) эффективных средств защиты их прав в случае, если эти обязательства не исполнены, подразумевает вместе с тем, что защита интересов кредитора (взыскателя) не может приводить к таким обременениям для должника, которые умаляли бы его достоинство. Поиск баланса между интересами взыскателя и должника, указывает Конституционный Суд, является задачей судов, которые при разрешении конкретных дел должны исходить из необходимости соблюдения конституционных прав обеих сторон спорного правоотношения, не допуская при этом злоупотреблений (*постановления от 26 апреля 2023 года № 21-П и от 25 декабря 2023 года № 60-П*).

Возрастание в общем массиве итоговых решений Конституционного Суда (постановлений) доли решений, выявляющих конституционно-правовой смысл оспоренных законоположений и, как правило, предполагающих возможность их непосредственной реализации правоприменителями (вне зависимости от наличия в тексте таких постановлений обращенных к законодателю предписаний и рекомендаций), в еще большей степени усиливает важность надлежащего исполнения этих решений судами.

Таким образом, в качестве инструмента конституционного толкования принцип человеческого достоинства сообщает смысловое единство основным правам и свободам, раскрывает их обусловленную общим источником неразрывную взаимосвязь. Личные и политические, экономические и социальные права предстают неразрывным целым, основанным на признании за каждым человеком врожденного, равного и неотъемлемого достоинства. Консолидируя на почве человеческого достоинства как базовой ценности все основные права и свободы, утверждая их в качестве целостной системы нормативного регулирования, а не набора разрозненных нормативных требований, принцип человеческого достоинства придает необходимую ценностную направленность и, соответственно, последовательность конституционному толкованию.

Сосредоточивая внимание при оценке конституционности оспариваемого регулирования, в том числе с учетом сложившейся практики его применения, на

защищенности человеческого достоинства, опосредуя защитный эффект наиболее всеобъемлющего из всех конституционных прав, рассматриваемый принцип обеспечивает, наряду с иными конституционными принципами, всесторонность и взвешенность конституционной интерпретации.

Более детально герменевтический потенциал принципа уважения и охраны человеческого достоинства демонстрирует анализ специальных случаев защиты достоинства (раздел 2).

1.3. Конституционное право на уважение и охрану человеческого достоинства

Как отмечалось выше, человеческое достоинство заключает в себе онтологические основания всех прав человека, которые являются неотчуждаемыми субъективными публичными правами именно по причине обладания каждой личностью врожденным и неотъемлемым достоинством, не позволяющим относиться к ней лишь как к объекту государственной деятельности.

Обладание личностью достоинством предопределяет содержание большинства прав и свобод, которые либо защищают важнейшее условие достоинства – индивидуальную автономию, либо обеспечивают достоинство в частноправовых отношениях и в социально-трудовой сфере посредством позитивного обязывания публичной власти и частных лиц, либо, подобно праву участвовать в формировании органов публичной власти и праву на судебную защиту, институционально гарантируют все конституционные права и свободы.

Являясь базисом всех субъективных публичных прав, категория достоинства в первую очередь выступает таковым по отношению к праву на уважение и охрану человеческого достоинства. Следует отметить, что право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство получило закрепление еще в Конституции (Основном Законе) СССР 1977 года (статья 57). С учетом того, что предметом судебной защиты выступает именно субъективное право, названным положением человеческое достоинство характеризовалось в качестве объекта субъективного права на уважение и охрану достоинства.

С еще большей определенностью утверждает значение рассматриваемой категории в качестве основного права Конституция Российской Федерации (статья 17, часть 2; статья 19, части 1 и 2; статья 21).⁵ Каждый человек с момента рождения является субъектом права на уважение и охрану человеческого достоинства.

Принадлежащее исключительно человеческому достоинству нормативное пространство распространяется на области, содержательно охватываемые данной ценностью, но не подпадающие под действие иного конституционного права или свободы. В частности, в настоящий момент расширению объема права на

⁵ В решениях Конституционного Суда упоминаются «право на уважение достоинства личности» (см., напр., *Определение от 7 июня 2011 года № 766-О-О*), «право на защиту достоинства личности» (см., напр., *Постановление от 19 ноября 2013 года № 24-П*), «право на охрану достоинства личности» (см., напр., *Постановление от 8 апреля 2021 года № 11-П*), «право на уважение окружающих» (см., напр., *Постановление от 28 июня 2007 года № 8-П; определения от 28 февраля 2019 года № 321-О и от 26 ноября 2018 года № 3101-О*), «право на уважение человеческой личности» (см., напр., *Постановление от 25 апреля 2001 года № 6-П*), а также — применительно к отдельным категориям граждан — «право инвалидов на уважение их человеческого достоинства» (см., напр., *Определение от 28 декабря 2021 года № 2650-О*), «право лиц, лишенных свободы, на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности» (см., напр., *Постановление от 19 апреля 2022 года № 16-П*), «право ребенка на уважение его человеческого достоинства» (см., напр., *Постановление от 31 января 2014 года № 1-П, Определение от 5 февраля 2015 года № 227-О*). Безотносительно к некоторым редакционно-стилистическим различиям все эти термины равным образом отражают значение рассматриваемой правовой категории в качестве конституционного права на уважение и охрану человеческого достоинства.

уважение и защиту человеческого достоинства способствуют научные разработки в области биоэтики (например, исследования стволовых клеток, их синтез, клонирование и т.д.).

Нормативно утверждая онтологическую значимость личности, право на уважение и охрану достоинства распространяется на каждого, безотносительно к каким-либо дифференцирующим свойствам, исключая какую бы то ни было ценностно ранжирующую людей категоризацию.

В догматическом отношении названное право основывается на представлении о субъективном праве как мере возможного поведения, предполагающей соответствующие правомочия субъекта данного права, включая обоснованное притязание на надлежащее поведение от третьих лиц, содействие органов публичной власти в реализации данного права, а также право требовать, чтобы публичная оценка субъекта достоинства формировалась на основе адекватного восприятия его отдельных действий и поведения в целом.

На конструкцию права на уважение и охрану человеческого достоинства решающее влияние оказывают рассмотренные выше ценностные характеристики. Ключевую гарантию данного права содержит конституционное указание на то, что ничто не может быть основанием для умаления достоинства, а также на конституционный запрет пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания, проведения без добровольного согласия медицинских, научных или иных опытов. Всякое, даже минимальное, посягательство на достоинство личности является недопустимым, поскольку неизбежно влечет его умаление. Поэтому никакое ограничение достоинства личности невозможно не только в условиях чрезвычайного положения (статья 56, часть 3), но и при любых других обстоятельствах.

Отличительные свойства достоинства как конституционной ценности исключают для человека легитимную возможность быть низведенным — в любом измерении, психическом или физическом, — до уровня объекта (средства достижения чьих-либо целей). Они, раскрывая деонтологические аспекты достоинства, предполагают его неприкосновенность даже в тех ситуациях, когда у личности имеется видимая возможность свободного выбора. Так, достоинство является непреложным пределом частной экономической инициативы, которая в любом случае не может вести к умалению достоинства — безотносительно к тому, кто именно, включая и самого субъекта достоинства, проявляет влекущую такого рода последствия инициативу.

Невозможность какого-либо ограничения права на уважение и охрану человеческого достоинства predetermined неделимостью достоинства как нематериального объекта защиты и целостностью человеческой личности, исключая возможность пребывания достоинства в ограниченном состоянии. Более того, являясь основой конституционно-правового статуса человека, достоинство принципиально не способно ни вступить в противоречие с правами и

свободами других лиц и другими конституционно значимыми ценностями, ни породить конфликт с иными возможными его статусами. Никакие действия, занятия и поведение не могут лишить (ограничить) субъекта права на уважение и охрану человеческого достоинства соответствующего нематериального блага. Так, например, осуществление физическими лицами предпринимательской деятельности не лишает их всех тех нематериальных благ, которые принадлежат им как физическим лицам от рождения или в силу закона и к числу которых относятся достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация (*Определение от 11 июня 2024 года № 1441-О*).

Праву на уважение человеческого достоинства корреспондирует конституционная обязанность государства по его защите. Любое посягательство на права и свободы личности, превращая человека в объект произвола и насилия, одновременно посягает на человеческое достоинство. Непринятие своевременных мер к выявлению и пресечению нарушений прав и свобод, означая умаление достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством, указывает Конституционный Суд, следует расценивать в качестве невыполнения органами публичной власти своих конституционных обязанностей (*постановления от 16 октября 2012 года № 22-П, от 23 ноября 2017 года № 32-П и др.*).

В ходе конституционно-судебной практики данный подход получил поступательное развитие. В частности, были сформулированы следующие принципиальные выводы.

Во-первых, фактор достоинства, предопределяя субъектность личности в ее взаимоотношениях с государством, обуславливает право на защиту субъективных прав всеми не запрещенными законом способами (*Постановление от 2 июля 1998 года № 20-П*).

Во-вторых, защита достоинства предполагает право на оспаривание в судебном порядке нормативных и ненормативных правовых актов, действий (бездействия) любых органов, организаций и лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, а также общественных объединений, причем такое обжалование может преследовать не только индивидуальный (частный) интерес, связанный с восстановлением нарушенных прав заявителя, но и публичный интерес, направленный на поддержание законности и конституционного правопорядка (*постановления от 6 июля 1998 года № 21-П, от 23 марта 1999 года № 5-П и от 22 апреля 2013 года № 8-П*).

В-третьих, конституционные гарантии достоинства личности предполагают, наряду с прочим, необходимость обеспечения восстановления нарушенных прав и законных интересов, чему не могут быть противопоставлены ни принцип правовой определенности, ни основополагающий принцип юридической ответственности *non bis in idem*, исключающий двойное наказание за одну провинность (*Постановление от 16 мая 2007 года № 6-П*).

Универсальный характер права на уважение и охрану человеческого достоинства как субъективного публичного права подтверждают и недавние решения Конституционного Суда, указывающие, в частности, на необходимость защиты достоинства иностранных граждан (*Постановление от 6 октября 2022 года № 41-П*), детей (*постановления от 29 ноября 2019 года № 38-П, от 23 июля 2020 года № 39-П и от 15 октября 2024 года № 46-П*), в особенности при привлечении их к публичной ответственности (*Постановление от 25 мая 2023 года № 26-П*), а также детей, родившихся после смерти своих отцов (*Постановление от 2 марта 2023 года № 7-П*), и постмортальных детей (*Постановление от 11 февраля 2025 года № 6-П*), умерших лиц (*постановления от 27 февраля 2020 года № 10-П и от 2 марта 2023 года № 7-П*).

Будучи неотъемлемой частью конституционного регулирования, конституционно-судебная практика воздействует на отраслевые гарантии права на уважение и охрану человеческого достоинства в качестве субъективного публичного права. В решениях Конституционного Суда не раз подвергались проверке отраслевые средства защиты чести и достоинства: компенсация морального вреда в случае, когда преступлением, формально направленным против собственности, причинялись значительные нравственные страдания (из недавних примеров – *Постановление от 26 октября 2021 года № 45-П*); возможность добиваться возбуждения уголовного дела частного обвинения независимо от ранее принятых по соответствующим обстоятельствам решений правоохранительных органов (*Постановление от 28 июня 2023 года № 36-П*); право требовать от работодателя опровержения сведений о дисциплинарном правонарушении работника, когда после их распространения решение о привлечении работника к дисциплинарной ответственности было успешно оспорено в судебном порядке (*Постановление от 21 июля 2023 года № 44-П*), и др.

Право на уважение и охрану человеческого достоинства включает в себя **позитивный и негативный аспекты**. Во-первых, оно предполагает обязанность государства воздерживаться от вмешательства в сферу индивидуальной автономии и не рассматривать человека в качестве средства достижения каких-либо целей. Во-вторых, учитывая обязанность всех граждан и организаций соблюдать Конституцию, в том числе гарантированные ею права и свободы (часть 2 статьи 15), данное субъективное право содержит позитивное требование к государству в лице всех его органов создавать условия, при которых исключается посягательство на достоинство личности со стороны не только самого государства, но и других лиц, что находит прямое нормативное выражение в части 1 статьи 21 Конституции, обязывающей государство охранять достоинство личности. Обеспечением от таких посягательств служат различные виды юридической ответственности, как публично-правовой (статьи 5.61 и 5.61.1 КоАП Российской Федерации, статья 127.2 УК Российской Федерации и др.), так и гражданско-правовой (статьи 151 и 152 ГК Российской Федерации и др.).

Общим механизмом защиты достоинства граждан выступает компенсация морального вреда (абзац одиннадцатый статьи 12, статья 151, параграф 4 главы 59 ГК Российской Федерации), под которым понимаются физические или нравственные страдания, причиненные действиями, нарушающими личные нематериальные права гражданина или посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага. Институт компенсации морального вреда в российской правовой системе имеет межотраслевое значение. Моральный вред может быть причинен в сфере как частноправовых, так и публично-правовых отношений; например, он может проявляться в эмоциональных страданиях в результате нарушений со стороны государственных органов и должностных лиц прав и свобод человека и гражданина (*Постановление от 15 июля 2020 года № 36-П*).

В качестве конституционного права категория достоинства, включая и такие производные понятия, как «достойная жизнь», присутствует в самом широком диапазоне правоотношений (см., напр., *постановления от 28 января 2025 года № 3-П, от 11 марта 2025 года № 11-П, от 24 апреля 2025 года № 17-П и от 29 апреля 2025 года № 18-П*).

Обращение к данному праву может происходить и **при проверке законодательства о налогах и сборах**. Произвольное налогообложение сигнализирует о несправедливом регулировании, а таковое не может не умалять человеческое достоинство, нарушая, соответственно, право на уважение и охрану человеческого достоинства.

Налоги устанавливаются законодателем как элементы единой налоговой системы, параметры и условия функционирования которой применительно к каждому налогоплательщику определяются объективными закономерностями и требованиями, включая экономическую обоснованность налогов и недопустимость их произвольного введения (*постановления от 31 мая 2018 года № 22-П и от 6 июня 2019 года № 22-П*). Вместе с тем, как было ранее отмечено Конституционным Судом, в целях обеспечения регулирования налогообложения в соответствии с Конституцией принцип равенства требует учета фактической способности к уплате налога исходя из общеправовых принципов справедливости и соразмерности. В частности, регулирование, которое в противоречии с Конституцией ставит возможность реализации конституционного права на выбор места жительства в зависимость от уплаты или неуплаты каких-либо налогов и сборов, несомненно, расходится с требованиями об обеспечении достойной жизни и свободного развития человека (*Постановление от 4 апреля 1996 года № 9-П*).

Принимая во внимание, что наряду со всеобщностью и равенством налогообложения соразмерность является одним из проявлений принципа справедливости в налоговой сфере, сдерживающего неоправданные фискальные притязания государства, ограничение прав и свобод граждан может, среди прочего, выражаться, как указывает Конституционный Суд, в несправедливом размере предъявленного к уплате налога на имущество физических лиц, в том числе если такая несправедливость возникла вследствие недостатков избранной

государством системы определения размера данного налога (*Постановление от 15 февраля 2019 года № 10-П*).

В правовых позициях Конституционного Суда, соотносящих — в контексте достижения баланса частных и публичных интересов — конституционно возложенное на государство создание условий для достойной жизни и свободного развития человека с задачами обеспечения экологического благополучия и безопасности, право на уважение и охрану человеческого достоинства опосредованно проявляет себя и в плоскости **экологической проблематики**. В связи с этим Конституционным Судом была подчеркнута необходимость, во-первых, обеспечения экологической безопасности путем установления правового регулирования, ориентированного на профилактику экологических правонарушений и на стимулирование щадящих по отношению к окружающей среде методов хозяйствования в целях экосовместимого экономического развития (*постановления от 2 июня 2015 года № 12-П, от 6 декабря 2024 года № 56-П и от 24 марта 2025 года № 13-П*). И, во-вторых, необходимость создания инфраструктуры обращения твердых коммунальных отходов для предотвращения их вредного воздействия на здоровье человека и сохранения благоприятной окружающей среды, являющейся одним из важнейших условий обеспечения достойной жизни и свободного развития человека (*Постановление от 2 декабря 2022 года № 52-П*).

Предотвращая и устраняя из регулирования все, что тем или иным образом способно нарушить право на уважение и охрану человеческого достоинства, государство обязано принимать комплексные меры по предотвращению угроз жизни, здоровью и благополучию человека, предупреждению ситуаций, создающих подобные угрозы. Цели всесторонней охраны достоинства личности и обеспечения достойной жизни человека определяют необходимость эффективной государственной защиты человека, его прав и свобод как высшей ценности от угроз, возникающих, в частности, вследствие отсутствия постоянного надзора и массового скопления животных без владельцев (*постановления от 4 декабря 2023 года № 55-П, от 18 июля 2024 года № 38-П*).

Нормативное содержание права на уважение и охрану человеческого достоинства выявляется и в ходе проверки конституционности отдельных **ограничительных мер** (об обеспечении защиты достоинства при применении мер публичного принуждения см. раздел 2.3).

Рассматривая обращения, оспаривающие законодательное регулирование по мотивам нарушения права на уважение и охрану человеческого достоинства, Конституционный Суд руководствуется неоднократно выраженным в его решениях подходом, согласно которому цели ограничения прав и свобод должны быть не только юридически (публичные интересы, перечисленные в части 3 статьи 55 Конституции), но и социально оправданны. Сами же ограничения должны быть адекватными допустимым целям, не обладать обратной силой, отвечать требованиям справедливости и не искажать саму суть соответствующих права или свободы. Осуществляя допустимые ограничения прав или свобод,

государство должно использовать пропорциональные, то есть не чрезмерные, но лишь необходимые для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, правовые средства.

Так, например, Конституционный Суд подтвердил, что федеральный законодатель действовал в конституционно значимых целях, вводя административную ответственность за появление в общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, поскольку достоинство личности и общественная нравственность принадлежат к охраняемым государством конституционным ценностям (*Определение от 23 июня 2016 года № 1410-О*). Публичная ответственность за нецензурную брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан, направлена, как было разъяснено Конституционным Судом, помимо прочего, на защиту достоинства личности и личной неприкосновенности (*Определение от 19 апреля 2001 года № 70-О*).

Правовое регулирование в сфере государственной защиты прав несовершеннолетних, исходя в том числе из конституционных положений об охране достоинства личности, должно в приоритетном порядке гарантировать защиту человеческого достоинства несовершеннолетних, что предполагает, в частности, законодательное обеспечение безопасности каждого ребенка как непосредственно от преступных посягательств, так и от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику, которое может существенным образом повлиять на развитие его личности, даже не будучи выраженным в конкретных противоправных деяниях (*постановления от 18 июля 2013 года № 19-П, от 23 сентября 2014 года № 24-П*). С учетом этого федеральный законодатель – в целях максимального обеспечения интересов несовершеннолетних, для которых противостояние негативному влиянию либо преступным посягательствам невозможно или затруднено в силу возраста, – вправе предусматривать **ограничения в отношении усыновления** детей лицами, поведение и морально-нравственные качества которых могут представлять угрозу для здоровья ребенка и формирования его личности. Вместе с тем вводимые федеральным законодателем ограничения права на усыновление детей, вытекающего из Конституции и находящегося под защитой государства, не должны влечь несоразмерного, не согласующегося с конституционно-правовым статусом личности ограничения конституционных прав в указанной сфере и тем самым препятствовать надлежащему обеспечению как интересов семьи в целом, так и интересов усыновляемого ребенка (*постановления от 31 января 2014 года № 1-П, от 20 июня 2018 года № 25-П и др.*).

Осуществляемая средствами конституционного контроля защита права на уважение и охрану человеческого достоинства всегда сопряжена с конкретизацией его нормативного содержания. В отдельных случаях предполагаемое защитой человеческого достоинства установление необходимых пределов индивидуальной автономии направлено также и на **защиту чтимых**

многонациональным народом Российской Федерации традиционных нравственно-этических ценностей.

Так, учитывая деликатный характер вопросов, которые могут непосредственно затрагивать религиозное достоинство лиц, исповедующих ту или иную религию, Конституционный Суд подчеркивает необходимость обеспечения при регламентации осуществления миссионерской деятельности, системообразующим признаком которой является распространение информации о конкретном религиозном вероучении, баланса конституционно защищаемых ценностей и интересов, чтобы не допустить посягательство на само существо регулируемого права и не привести тем самым к утрате его основного содержания (*Определение от 13 марта 2018 года № 579-О*).

Выявление содержания субъективного публичного права на уважение и охрану человеческого достоинства осуществляется в том числе и в определениях об отказе в рассмотрении конституционных жалоб. Указания на ошибочность представлений заявителей раскрывают нормативный смысл данного права через обозначение заведомо не охватываемых этим правом предметов.

Так, например, Конституционным Судом было отказано в рассмотрении обращения, в котором осуществляемое страховщиками ведение единого учета застрахованных лиц на основе единых идентификационных знаков трактовалось как замена имени человека без его на то согласия, что, как отмечалось в жалобе, помимо прочего, нарушает рассматриваемое право. Однако используемые исключительно в целях учета единые идентификационные знаки, не заменяя имя человека, используются наряду с другими сведениями о застрахованном лице, а потому, как разъяснил Конституционный Суд, использование в целях идентификации граждан не заменяющих имя определенных цифровых комбинаций не может расцениваться как умаление достоинства личности (*Определение от 17 июля 2014 года № 1577-О*).

Также Конституционный Суд отказал в принятии к рассмотрению обращения, в котором в качестве умаляющих право на уважение и охрану человеческого достоинства трактовались законоположения, допускающие ламинирование третьей страницы паспорта гражданина Российской Федерации пленкой с голографическим изображением, искажающим фотографию владельца паспорта при ее копировании. Определяя структуру и содержание основного документа, удостоверяющего личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации, оспариваемое регулирование, указывает Конституционный Суд, предусматривает меры, направленные на защиту сведений о личности гражданина и самого документа от подделки. Таким образом, ламинирование страницы паспорта пленкой с голографическим изображением не может расцениваться как умаление достоинства личности (*Определение от 23 апреля 2013 года № 663-О*).

Наряду с этим Конституционный Суд отказал в принятии к рассмотрению обращения, в котором нормативно установленное требование, согласно которому водитель механического транспортного средства при управлении им обязан быть

пристегнутым ремнями безопасности, трактовалось как принуждающее граждан обеспечивать свою личную безопасность, устанавливающее чрезмерные ограничения прав человека и тем самым умаляющее достоинство личности. Как было отмечено Конституционным Судом, оспариваемое законоположение, обеспечивая не только безопасность водителя, но и его способность управлять транспортным средством в экстраординарных ситуациях, возникающих в процессе дорожного движения, и будучи направлено на предотвращение дорожно-транспортных происшествий и смягчение их последствий, само по себе не может рассматриваться как умаляющее достоинство личности (*Определение от 17 июня 2010 года № 927-О-О*).

Кроме того, в одном из обращений единый государственный экзамен трактовался в качестве научного опыта в смысле, придаваемом этому понятию статьей 21 (часть 2) Конституции Российской Федерации, то есть в качестве эксперимента, проводимого без согласия человека и тем самым унижающего его достоинство. Отказывая в принятии жалобы, Конституционный Суд указал, что оспариваемое законоположение предусматривает форму объективной оценки качества подготовки лиц, освоивших образовательные программы среднего (полного) общего образования, с использованием заданий стандартизированной формы, не является проведением научного или иного опыта, а потому не может умалять право на уважение и охрану человеческого достоинства (*Определение от 16 декабря 2008 года № 1088-О-О*).

Аксиологическая природа достоинства обуславливает неразрывность нормативного единства конституционных положений о праве каждого на уважение и охрану достоинства и **права на судебную защиту** (статьи 21 и 46). Право на судебную защиту содержит общую гарантию соблюдения всех конституционных прав и свобод. Личность в ее взаимоотношениях с государством, как последовательно подчеркивается в решениях Конституционного Суда, является равноправным субъектом, который может спорить с государством в лице любых его органов (часть 2 статьи 45). Никто не может быть ограничен в защите перед судом своего достоинства, а также всех связанных с ним прав (*Постановление от 3 мая 1995 года № 4-П*). Как и в отношении права на уважение человеческого достоинства, применительно к данному праву действует неопровержимая презумпция, согласно которой право на судебную защиту, выступая гарантией в отношении всех конституционных прав и свобод, не может вступить в противоречие с целями защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Ввиду чего право на судебную защиту, как и право на уважение достоинства, не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах (*постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 21 апреля 2010 года № 10-П и от 14 ноября 2024 года № 52-П*)⁶.

⁶ См. также: Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Развитие судебной системы Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты» (2014 год).

В решениях Конституционного Суда неоднократно указывалось на серьезные препятствия, которые создает на пути действительной реализации основных прав и свобод **судебный формализм**. Поступающие обращения свидетельствуют о нередких случаях правоприменения *stricti juris*, вступающего, как устанавливается решениями Конституционного Суда, в противоречие с конституционными требованиями. Предпочитая буквальное толкование применяемых законоположений их широкой интерпретации, которая в некоторых случаях более отвечает конституционным принципам и правовым позициям Конституционного Суда, суды не в полной мере реализуют – в целях восполнения неопределенности и пробельности закона – свои дискреционные полномочия.

Выявляемый в решениях Конституционного Суда нормативный смысл права на уважение и охрану человеческого достоинства определяет содержание обращенных к правоприменителям указаний. Предостерегая от формализма, Конституционный Суд поощряет процессуальную активность судов по выяснению контекста, оценка которого представляется значимой для конституционности правоприменительной практики, в том числе в области рассматриваемого права.

Например, признав соответствующим Конституции запрет на усыновление детей лицам, имеющим или имевшим судимость, подвергнутым или подвергающимся уголовному преследованию (если оно не было прекращено по реабилитирующим основаниям) за совершение ряда тяжких или особо тяжких преступлений, а также независимо от степени тяжести – преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, Конституционный Суд вместе с тем подчеркнул необходимость принятия судами во внимание обстоятельств совершенного преступления, срока, прошедшего с момента его совершения, формы вины, характеризующих личность обстоятельств и иных существенных для дела обстоятельств, – исходя из того, насколько усыновление ребенка конкретным лицом соответствует цели максимальной защиты прав и законных интересов усыновляемого, обеспечения его полноценного физического, психического, духовного и нравственного развития без риска быть подвергнутым какой-либо опасности (*Постановление от 31 января 2014 года № 1-П*). На необходимость учета всех существенных обстоятельств, позволяющих судить о том, что конкретное лицо, несмотря на формальные препятствия к тому в законодательстве, способно обеспечить достойное воспитание ребенка, Конституционный Суд ориентировал суды и при применении ими запрета назначения опекунами (попечителями) лиц, ранее отстраненных от выполнения обязанности опекунов (попечителей) (*Определение от 5 февраля 2015 года № 227-О*).

В соответствии с разъяснениями Конституционного Суда необходимость в каждом конкретном случае уголовного преследования доказать не только наличие самой угрозы, но и то, что она намеренно высказана с целью уstrasить потерпевшего и в форме, дающей основания опасаться ее воплощения, предполагает оценку фактических обстоятельств дела, выяснение, были ли у

потерпевшего веские причины опасаться убийства или тяжкого вреда здоровью. Для оценки характера восприятия угрозы потерпевшим могут иметь значение личность виновного, его поведение, сложившиеся между ним и жертвой взаимоотношения, иные обстоятельства (*определения от 19 января 2021 года № 2-О и от 28 июня 2022 года № 1503-О*).

Нередкое присутствие в актах конституционного правосудия дефиниций используемых в законодательстве понятий, помимо прочего, обусловлено отсутствием аутентичного толкования в российском праве. Тем не менее Конституционный Суд счел необходимым воздержаться от раскрытия содержания используемого в статье 152 ГК Российской Федерации понятия «порочащие сведения», равно как и от признания существующей в данном аспекте правовой неопределенности. Отмечая обоснованность использования данного понятия разнообразием фактических обстоятельств и поясняя, что оно преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций, Конституционный Суд тем самым обозначает необходимость проявления в этом вопросе достаточно широкой судебной дискреции (*определения от 21 февраля 2008 года № 120-О-О, от 19 марта 2009 года № 231-О-О, от 22 января 2014 года № 13-О и др.*).

На предотвращение одновременно и судебного формализма, и произвольного правоприменения, в равной степени препятствующих обеспечению права на уважение и охрану человеческого достоинства, направлена, среди прочего, правовая позиция Конституционного Суда относительно возможности дополнять соглашением сторон основания для внесудебного расторжения договора коммерческого найма жилого помещения по требованию наймодателя. Согласно разъяснению Конституционного Суда указание соответствующих оснований должно позволять однозначно и недвусмысленно верифицировать их наступление, а сами по себе соответствующие обстоятельства должны существенным образом затрагивать интересы наймодателя. Если же условие сформулировано в носящих оценочный характер выражениях, которые порождают расхождения в мнениях сторон по поводу наличия соответствующих обстоятельств, то наступление оснований для досрочного прекращения договора может быть установлено лишь судом. Такое осуществляемое в судебном порядке установление не только предотвращает нарушение права нанимателя на жилище, но и защищает его достоинство (*Постановление от 2 июня 2022 года № 23-П*)⁷.

Осуществляя коррекцию конституционно значимых дефектов регулирования и правоприменения, способствующую выявлению нормативного содержания права на уважение и охрану человеческого достоинства в качестве субъективного публичного права, Конституционный Суд действует в строгих

⁷ О конституционно значимых правоприменительных дефектах см. также: Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Конституционно-правовые аспекты совершенствования правоприменительной деятельности» (2018 год).

рамках своей компетенции и исходя из принципа конституционной сдержанности⁸.

⁸ В этом контексте показательны мотивы, изложенные Конституционным Судом в решении, принятом по запросу Государственной Думы. С учетом присутствия в конституционном тексте понятия «достойная жизнь» (часть 1 статьи 7), связанного и с конституционной характеристикой России как социального государства, и с собственно категорией достоинства, законодательный орган просил разъяснить возможность законодательного закрепления социальных стандартов, которые соответствовали бы этому конституционно закрепленному понятию. Отказывая в принятии данного запроса к рассмотрению, Конституционный Суд пояснил, что предрешение поставленных в обращении вопросов не просто означало бы трактовку юрисдикционным органом производного от категории «достоинство» понятия, но фактически означало бы создание правовой нормы и тем самым нарушение основополагающего принципа разделения государственной власти, что недопустимо (*Определение от 1 июля 1999 года № 98-О*).

2. Отраслевые аспекты защиты человеческого достоинства

2.1. Защита достоинства в сфере частного права

Будучи конституционным, право на уважение и охрану человеческого достоинства может быть затронуто во всех отраслевых правоотношениях. При этом наиболее детализованное его регулирование осуществляется гражданским правом, располагающим, среди прочего, специальными средствами защиты достоинства личности как личного неимущественного блага. В этой связи, помимо имеющего общеправовое значение конституционного права на уважение человеческого достоинства, в доктрине иногда выделяется производное от него субъективное гражданское право на достоинство.

Осуществляя наиболее подробную отраслевую регламентацию права на уважение человеческого достоинства, гражданское законодательство относит достоинство личности к объектам гражданских прав – принадлежащим физическому лицу нематериальным благам, неотчуждаемым и непередаваемым любым иным способом. Защита достоинства личности осуществляется в случаях и порядке, предусмотренных названным законодательством, и теми способами, которые являются совместимыми с существом нарушенного права и характером нарушения.

В соответствии с выраженной Конституционным Судом правовой позицией предание огласке законным способом информации о чужом поведении, нарушающем права и свободы человека, с целью привлечения общественного внимания к правонарушению, в том числе со стороны институтов гражданского общества, является одной из форм защиты лицом своего достоинства и связанных с ним конституционных прав и свобод.

Принимая во внимание специфику споров об опровержении сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию лица, касающихся его поведения в семейных и иных личных отношениях, Конституционный Суд обращался в том числе к выявлению конституционно-правового смысла пункта 1 статьи 152 ГК Российской Федерации. В выраженных в этой связи правовых позициях указывается на необходимость проявления судом повышенной процессуальной активности и тщательного исследования всех существенных обстоятельств при рассмотрении таких споров, включая предшествовавшую и сопутствовавшую распространению сведений обстановку, психоэмоциональное состояние сторон спора в соответствующий период и объективные препятствия для представления ответчиком дополнительных доказательств.

В решениях Конституционного Суда акцентируется важность реальной защиты прав и законных интересов лиц, чьи достоинство и доброе имя потерпели ущерб в результате распространения не соответствующей действительности негативной информации (*Постановление от 9 июля 2013 года № 18-П*;

определения от 1 марта 2010 года № 323-О-О и от 22 января 2014 года № 12-О). Опровержение по суду порочащих сведений на основе положений статьи 152 ГК Российской Федерации, которыми на лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию другого лица, возлагается обязанность представить доказательства либо опровергнуть распространенные сведения, — не только релевантный применительно к делам такого рода гражданско-правовой способ защиты, но и гарантия выполнения государством конституционной обязанности по защите человеческого достоинства, реализация которой требует от суда исследования всех подлежащих оценке доказательств (*определения от 22 января 2014 года № 12-О, от 24 февраля 2022 года № 343-О, от 30 марта 2023 года № 531-О, от 31 октября 2023 года № 2847-О и др.*).

Указывая, что к порочащим честь, достоинство или деловую репутацию сведениям относятся утверждения о любом нарушении лицом правил поведения, принятых в соответствующем сообществе, особенно если такое нарушение сопровождалось негативной оценкой в форме привлечения нарушителя к ответственности, Конституционный Суд отмечает, что восприятие сведений как достоверных и их влияние на оценку третьими лицами степени порочности поведения может усиливаться, если сведения исходят от лица, обладающего властью и авторитетом, например от работодателя или его уполномоченного представителя. В частности, порочащими могут быть признаны сообщенные от имени работодателя сведения о дисциплинарном проступке и о последовавшем за ним применении к работнику дисциплинарного взыскания.

В этой связи была дана конституционно-правовая оценка пункту 1 статьи 152 ГК Российской Федерации в аспекте, связанном с защитой чести, достоинства и деловой репутации работника, необоснованно (при последующей недоказанности факта дисциплинарного проступка в суде) привлеченного к дисциплинарной ответственности работодателем, который ранее в целях поддержания трудовой дисциплины распространил информацию о факте привлечения работника к дисциплинарной ответственности (*Постановление от 21 июля 2023 года № 44-П*). Поскольку в случае вынесения работодателем незаконного акта, содержащего сведения о совершении работником дисциплинарного проступка, именно эта информация (а не сам по себе акт) негативно воздействует на честь, достоинство и деловую репутацию работника, постольку, указал Конституционный Суд, работодатель обязан не только удалить соответствующий акт с мест его предшествующего размещения, но и самостоятельно – независимо от просьбы работника, но с учетом его мнения – распространить сведения о признании соответствующего акта незаконным. Иное истолкование данной нормы входит в противоречие с конституционными положениями об охране государством достоинства личности и о недопустимости его умаления, о праве каждого на защиту своей чести и доброго имени, о недопустимости при осуществлении прав и свобод человека и гражданина нарушать права и свободы других лиц, о праве защищать свои права и свободы

всеми способами, не запрещенными законом, о праве на судебную защиту и об уважении человека труда.

На обеспечение защиты достоинства различных участников конкретного правоотношения — предполагающее, помимо прочего, соотнесение рассматриваемого гражданского права с иными правами — направлены в том числе недавние решения Конституционного Суда, которыми, в частности, были **сбалансированы субъективные права нескольких лиц на достоинство в качестве личного неимущественного блага.**

В одной нормоконтрольной ситуации заявитель был привлечен к ответственности за использование приложения родительского контроля для негласного получения сведений о предположительном причинении матерью ребенка, проживающей отдельно, вреда его психическому здоровью. Тем самым подлежал установлению баланс между достоинством взрослого человека (его правом на уважение частной жизни) и достоинством ребенка (на его защиту было направлено стремление другого родителя обеспечить его безопасность). Исходя из того, что в ряде случаев защита прав ребенка, являясь правомерной целью, может объективно потребовать подтверждения реальности угрожающей опасности, включая предположительно причиняемый психический вред, а также с учетом того, что соответствующие конфликты между родителем и ребенком, будучи отчасти обусловлены нарастающим в процессе взросления осознанием ребенком автономности своей личности, разрешаются преимущественно в плоскости их межличностных (внеюрисдикционных) отношений, Конституционный Суд исключил привлечение к уголовной ответственности за применение программ родительского контроля с названной правомерной целью, обратив при этом внимание законодателя на желательность дальнейшего совершенствования регулирования использования данных программ (*Постановление от 18 января 2024 года № 2-П*).

В другой нормоконтрольной ситуации поводом к возбуждению конституционного производства стала жалоба заявительницы, которая ранее разместила на своей странице в сети Интернет утверждения о фактах бытового насилия со стороны ее бывшего супруга в отношении нее и их общей дочери и на которую — поскольку она не смогла доказать достоверность этих утверждений ни в гражданском деле, ни в ранее возбуждавшихся по ее заявлениям уголовных делах частного обвинения о нанесении побоев — в судебном порядке была возложена обязанность опровергнуть соответствующие сведения как посягающие на личное достоинство бывшего супруга с компенсацией ему морального вреда.

Как было разъяснено Конституционным Судом, защита одним лицом своего достоинства путем возложения на другую сторону, распространившую порочащие сведения о нем, обязанности опровергнуть эти сведения не должна приводить к прямому либо опосредованному умалению достоинства личности другой стороны, распространившей информацию в целях защиты своих прав и свобод от неправомерного посягательства. Поэтому при разрешении споров связанных с распространением одним из родителей информации о

противоправном поведении другого лица (в том числе другого родителя) в отношении детей, подлежат учету такие обстоятельства, как тесная эмоциональная связь между родителями и детьми в ситуации, субъективно (не исключая добросовестного заблуждения, вызванного обостренным чувством родительской заботы) оцениваемой родителем как представляющая реальную угрозу для его ребенка и побуждающая принимать защитные меры. Эмоциональная связь матери с ребенком также предопределяет необходимость проявления судом большей процессуальной активности при рассмотрении соответствующих споров. Пренебрежение названными значимыми обстоятельствами ставит под сомнение равный доступ сторон спора к правосудию.

Исходя из выраженной Конституционным Судом правовой позиции судам при рассмотрении дел о защите чести, достоинства или деловой репутации в случаях, когда сведения касаются противоправного поведения в семейных или иных личных отношениях, распространенных другой стороной этих отношений, необходимо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, принимать во внимание всю совокупность доказательств, в связи с чем суд должен оценить прямые и/или косвенные доказательства, достаточные для предположения о соответствии распространенных сведений действительности. Во-вторых, предшествовавшую и сопутствовавшую распространению порочащих сведений обстановку. В-третьих, психоэмоциональное состояние сторон в соответствующий период. В-четвертых, суд должен учитывать объективные препятствия для предоставления ответчиком иных доказательств. Помимо того, суд может предложить истцу представить пояснения по доводам ответчика о соответствии распространенных сведений действительности и/или по иным обстоятельствам, ставшим известными суду. В случае наличия оправдательного приговора, постановления о прекращении производства по уголовному делу по реабилитирующим основаниям или постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении в связи с отсутствием события или состава административного правонарушения суд вправе осуществлять независимую оценку соответствия распространенных ответчиком порочащих сведений действительности. Если доказательства, представленные сторонами, позволяют предположить, что распространенные ответчиком порочащие сведения могут иметь достаточную фактическую основу, суд, руководствуясь совокупностью обстоятельств дела и своим внутренним убеждением, вправе признать эти сведения соответствующими или не соответствующими действительности (*Постановление от 19 ноября 2024 года № 53-П*).

Из абсолютности права на уважение и охрану человеческого достоинство, подлежащего в том числе гражданско-правовой защите, вытекает, помимо прочего, нераспространение на требования, направленные на его защиту, исковой давности (абзац второй статьи 208 ГК Российской Федерации). Это корреспондирует конституционным положениям о том, что никто не может быть ограничен в защите перед судом своего достоинства, а также всех связанных с

ним прав и свобод (*постановления от 9 июля 2013 года № 18-П, от 23 сентября 2014 года № 24-П и др.*). Такие ценности, как определенность и устойчивость правовых связей, обеспечение своевременной защиты прав и законных интересов участников гражданских отношений, равно как и другие конституционно значимые ценности, лежащие в основе гражданско-правового института исковой давности, не могут быть противопоставлены необходимости гражданско-правовой защиты личностью своего достоинства.

Совершенствованию механизмов юридической ответственности, которые должны исключать умаление человеческого достоинства, содействует осуществляемая в необходимых случаях в решениях Конституционного Суда **экстраполяция на определенные виды юридической ответственности подходов, ранее высказанных применительно к иным ее видам.** Так, например, отдельные правовые позиции, сформулированные в отношении публично-правовой ответственности, были признаны применимыми и к регулированию гражданско-правовой ответственности в той мере, в какой устанавливаемые законодателем штрафные по своему характеру санкции выполняют публичную функцию превенции. Основываясь на правовых позициях, выраженных применительно к уголовной и административной ответственности, Конституционный Суд сделал вывод о допустимости взыскания с индивидуального предпринимателя в пользу правообладателя компенсации за нарушение исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в размере ниже минимального предела, установленного гражданским законодательством. Мера ответственности, к которой привлекается индивидуальный предприниматель – нарушитель исключительных прав, необходимо, отметил Конституционный Суд, дифференцировать в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, учета степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания. Иной подход способен привести к нарушению конституционных гарантий охраны государством достоинства личности, которые, в частности, не допускают унижающих человеческое достоинство наказаний (*Постановление от 13 декабря 2016 года № 28-П*).

Универсальным способом защиты гражданских прав, включая человеческое достоинство как немущественное благо, служит **компенсация морального вреда.** Согласно разъяснениям Конституционного Суда, она является мерой гражданско-правовой ответственности, правовая природа которой является единой независимо от того, в какой сфере отношений – публично-правовой или частноправовой – причиняется моральный вред (*постановления от 8 июня 2015 года № 14-П, от 14 июля 2020 года № 35-П и от 26 октября 2021 года № 45-П*). При этом обязанность компенсировать моральный вред возникает при наличии состава гражданского правонарушения, включающего, как правило, наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между этим поведением и наступлением вреда, а также его вину (*постановления от 15*

июля 2009 года № 13-П, от 7 апреля 2015 года № 7-П, от 28 апреля 2020 года № 21-П и от 7 февраля 2023 года № 6-П).

В решениях Конституционного Суда последовательно указывается также и на то, что возложение судом на правонарушителя обязанности денежной компенсации морального вреда, причиненного действиями (бездействием), ущемляющими в том числе имущественные права гражданина, не исключается в тех случаях и в тех пределах, в каких использование такого способа защиты вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (*постановления от 8 июня 2015 года № 14-П, от 26 октября 2021 года № 45-П; определения от 16 октября 2001 года № 252-О, от 27 октября 2015 года № 2506-О и др.*).

Между тем институт компенсации морального вреда в судебной практике нередко необоснованно рассматривается как не подлежащий применению в случаях преступного посягательства на имущественные права потерпевшего, включая право собственности. Такая трактовка универсального механизма защиты неимущественных интересов неоправданно ограничивает возможности судебной защиты человеческого достоинства. Любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на достоинство личности, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия. Соответственно, подчеркнул Конституционный Суд, часть 1 статьи 151 ГК Российской Федерации не исключает компенсацию морального вреда в случае совершения в отношении гражданина преступления против собственности, которое нарушает не только имущественные права данного лица, но и его личные неимущественные права или посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (включая достоинство личности), если при этом такое преступление причиняет указанному лицу физические или нравственные страдания (*Постановление от 26 октября 2021 года № 45-П*). В то же время сам факт причинения потерпевшему от преступления против собственности нравственных страданий не является во всех случаях безусловным. Поэтому установленный действующим законодательством механизм защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ не освобождает граждан, по общему правилу, от бремени доказывания самого факта причинения морального вреда и от обоснования размера денежной компенсации (*Определение от 17 июля 2012 года № 1352-О*).

Отдельным гражданско-правовым способом защиты достоинства личности выступает удаление порочащей лицо информации, ставшей после ее распространения доступной в сети «Интернет» (пункт 5 статьи 152 ГК Российской Федерации). Согласно указанию Конституционного Суда, правам гражданина, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, должно отдаваться предпочтение перед интересами владельца использованного для размещения таких сведений сайта, не являющегося средством массовой информации, или иного уполномоченного им на размещение информации лица, с тем чтобы достоинство

личности в любом случае было восстановлено. Возложение на лицо, которое имеет техническую возможность без ущерба для своих прав и законных интересов удалить сведения, признанные судом не соответствующими действительности, обязанности выполнить, как только ему об этом стало известно, необходимые действия (состоящие, по сути, в исполнении вступившего в законную силу судебного решения) не может рассматриваться ни как чрезмерное обременение, ни как несоразмерное ограничение его прав (*Постановление от 9 июля 2013 года № 18-П*).

Защита достоинства в качестве субъективного права на личное нематериальное благо, подразумевая как отраслевую (гражданско-правовую), так и конституционно-правовую оценку спорной ситуации, осуществляется и в делах, затрагивающих **исполнительский иммунитет единственного жилья должника** (запрет обращения взыскания).

По смыслу правовых позиций Конституционного Суда, возможность ограничений права собственности и иных имущественных прав, а также характер этих ограничений должны быть строго соразмерны потребностям охраны конституционно значимых ценностей, включая человеческое достоинство. Названные права подлежат защите на основе принципа соразмерности (пропорциональности) в целях обеспечения баланса прав и законных интересов всех участников гражданского оборота: собственников, кредиторов, должников. При этом вводимые федеральным законом ограничения прав владения, пользования и распоряжения имуществом, свободы предпринимательской деятельности и свободы договоров должны быть справедливыми и адекватными, носить общий и абстрактный характер, не иметь обратной силы и не затрагивать существо конституционных прав, т.е. не ограничивать пределы применения конституционных норм.

Как уже было отмечено выше, в рамках конституционного нормоконтроля неоднократно осуществлялась проверка различных аспектов положений, предусматривающих применение к единственному жилью должника – в случае обращения взыскания на такие помещения как в общем порядке, так и в случае банкротства гражданина – исполнительского иммунитета.

В частности, решением Конституционного Суда исполнительский (имущественный) иммунитет был распространен также на часть денежных средств, вырученных от продажи единственного принадлежащего гражданину-банкроту жилого помещения, обремененного ипотекой. Вырученная сумма должна быть исключена из конкурсной массы и передана должнику для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище. Вместе с тем суду следует установить справедливый баланс между правами должника и кредиторов: он вправе отказать в применении исполнительского иммунитета к указанным средствам или снизить, в том числе существенно, размер суммы, выделяемой для удовлетворения жилищных потребностей должника и членов его семьи, установив по делу факт явно недобросовестного поведения, а тем более злоупотребления правом со стороны должника и (или) его супруга, повлиявший

на способность должника осуществить расчеты со всеми кредиторами (*Постановление от 4 июня 2024 года № 28-П*).

Таким образом, приоритетный учет интересов гражданина-должника при одновременном ущемлении интересов кредиторов (взыскателей) не только противоречит требованиям социальной справедливости и нарушает принцип равенства перед законом, включая равенство юридической ответственности (в данном случае – гражданско-правовой), что, в конечном счете, ведет к усилению социального неравенства, но и не является конституционно адекватным средством защиты человеческого достоинства как личного неимущественного блага. При этом принципом юридического равенства обусловлено требование формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования; юридическое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы; законоположения, не отвечающие указанным критериям, порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность их неоднозначного истолкования и произвольного применения и тем самым ведут к нарушению конституционных гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан, не исключая и достоинства личности⁹.

В целом, как следует из изложенного выше, судебная защита человеческого достоинства как личного неимущественного блага с необходимостью предполагает, помимо собственно гражданско-правовой оценки позиций сторон, также конституционно-правовую оценку с учетом всех выраженных Конституционным Судом по данной проблематике правовых позиций.

⁹ О проявлениях публично-правового начала в частных экономических отношениях см. также: Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты» (2020 год).

2.2. Защита достоинства в социально-трудовой сфере

В условиях современной конституционной демократии для обеспечения достоинства человеческой личности недостаточно таких классических ее гарантий, как свобода индивидуальной автономии и неприкосновенность личной и семейной жизни, исключающих несоразмерное публичное вмешательство в частную сферу. Индивидуальная автономия мало что значит без обеспечения базовых жизненных потребностей. Затяжная социальная изоляция, в которой оказываются представители уязвимых групп (малоимущих, маломобильных и т.д.), представляет такую же угрозу человеческому достоинству их представителей, как и необоснованное публичное вмешательство в сферу индивидуальной автономии.

Поэтому защита достоинства в наши дни обеспечивается институтами не только правового, но и социального государства. Уважение и охрана человеческого достоинства как источника всех конституционных прав и свобод предполагают не только негативные обязательства публичной власти, но и позитивные действия в целях реализации этих прав, в том числе обеспечивающие необходимые для достойной жизни материальные условия. Социальное измерение человеческого достоинства ставит перед государством задачу создания условий для обеспечения минимального уровня материальных благ, позволяющего удовлетворить основные потребности человека.

В этом контексте социально-экономические права — право на труд, право на жилище, право на образование, право на социальную помощь — выступают конкретными аспектами более общих прав на жизнь и достоинство. Сегодня защита достоинства все чаще оказывается направленной не столько на отстаивание индивидуальной автономии, сколько в форме антидискриминационных требований выражает стремление к социальной справедливости.

Таким образом, социальное государство, которым является Российская Федерация, призвано не только воздерживаться от посягательств на человеческое достоинство, но и действительно обеспечивать его в области социальной защиты, труда, здравоохранения, образования и т.д.

Конституционно установлено, что в Российской Федерации как социальном государстве, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка инвалидов, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (статья 7), каждому гарантируется социальное обеспечение в случае болезни и инвалидности (часть 1 статьи 39), каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь (часть 1 статьи 41).

Государство, обязанное в соответствии с Конституцией защищать человеческое достоинство от любых посягательств (часть 1 статьи 21), призвано также создавать условия для повышения благосостояния граждан, а также гарантировать защиту достоинства граждан и уважение человека труда (статья 75.1). По смыслу приведенных положений, защита человеческого достоинства осуществляется не только средствами негативного обязывания, исходящими из недопустимости произвольного вмешательства публичной власти в правовой статус личности, необоснованного ограничения или лишения лица признанных за ним прав, но и – в особенности применительно к обеспечению достоинства в социально-трудовой сфере — посредством позитивного обязывания публичной власти в части предоставления конкретных материальных благ и услуг.

Уважение и охрана человеческого достоинства в названной сфере конституционно соотносится с лежащей на государстве обязанностью создания условий для **достойной жизни**, что связывает достоинство как категорию конституционной догматики (с неизбежно присущей общим категориям абстрактностью) с конкретными социально-экономическими гарантиями, необходимыми для действительной защиты этой конституционной ценности.

При этом признание достоинства личности в контексте конституционных положений о достойной жизни, не предполагая осмысления понятия «достойная жизнь» исключительно с утилитарных, соотносимых лишь с материальными показателями, позиций, подразумевает совместное, на основе конституционного принципа солидарности, участие публичной власти, граждан, социальных групп и всего общества в создании духовных и материальных предпосылок достойной жизни, когда социально-экономическое благополучие является итогом совокупных усилий всех названных выше субъектов¹⁰.

Как отмечалось выше, расширив нормативное содержание категории достоинства, конституционная реформа 2020 года, по итогам которой в текст Основного Закона были введены новые положения, напрямую связанные с охраной достоинства личности, содействовала укреплению его защиты в социально-трудовой сфере. Относя к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации создание условий для достойного воспитания детей в семье (пункт «ж.1» части 1 статьи 72), а также гарантировав уважение труда граждан и защиту их прав (статья 75.1), конституционные новеллы способствуют — в контексте защиты человеческого достоинства — продуктивному расширению возможностей конституционной интерпретации.

Исходя из **равнозначности достоинства личности и уважения человека труда** в качестве конституционных ценностей, образующих основу прав и свобод человека, гражданина и работника, и одновременно представляющих необходимое условие их соблюдения (*Постановление от 11 апреля 2023 года №*

¹⁰ См. также: Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности» (2023 год).

16-П), Конституционный Суд также усматривает в них конституционные принципы, учитываемые при проверке конституционности нормативного регулирования и системно связанного с ним правоприменения (*постановления от 25 апреля 2022 года № 17-П, от 13 июля 2023 года № 40-П, от 17 октября 2024 года № 47-П и др.*).

В решениях Конституционного Суда получает убедительное обоснование нераздельная связь между важнейшей гарантией достойного существования – возможностью трудиться и получать достойное вознаграждение – и защитой человеческого достоинства. Поскольку возможность собственным трудом обеспечить себе и своим близким средства к существованию представляет собой естественное благо, без которого утрачивают значение многие другие конституционно гарантированные блага, постольку **право на вознаграждение за труд** без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда конституционно закреплено среди основных прав и свобод, неотчуждаемых и принадлежащих каждому (*постановления от 6 октября 2021 года № 43-П, от 11 апреля 2023 года № 16-П и от 5 марта 2025 года № 10-П*). Исходя из конституционных положений об уважении человека труда и его права на вознаграждение за труд, Трудовой кодекс Российской Федерации закрепляет в качестве основных принципов правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений равенство прав и возможностей работников и обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечивающей достойное человека существование для него самого и его семьи, и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда (*Постановление от 23 сентября 2024 года № 40-П*).

Поскольку для большинства работников заработная плата является основным (а зачастую и единственным) источником дохода, постольку, указывает Конституционный Суд, увольнение работника без законного основания или с нарушением установленного порядка увольнения не только влечет за собой незаконное лишение работника возможности трудиться и получать за свой труд справедливую заработную плату, но и приводит к снижению уровня материального обеспечения работника и членов его семьи, тем самым умаляя право указанных лиц на достойное существование и посягая тем самым на их достоинство. В свете конституционных предписаний об обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, гарантировать защиту достоинства граждан и уважение человека труда регулирование разрешения трудовых споров (в частности, установления последствий признания увольнения незаконным) должно служить беспрепятственному восстановлению в полном объеме нарушенных вследствие незаконного увольнения прав работника на труд и на справедливую заработную плату, тем самым создавая необходимые условия достойного существования и для самого работника, и для его семьи. Исходя из этого, Конституционный Суд

пришел к выводу о том, что данная цель правового регулирования достигается путем реализации закрепленной в статье 236 Трудового кодекса Российской Федерации возможности начисления предусмотренных в ней процентов (денежной компенсации) на присужденные работнику судом денежные суммы в виде среднего заработка за время вынужденного прогула и компенсации причиненного незаконным увольнением морального вреда в случае задержки их выплаты (*Постановление от 4 апреля 2024 года № 15-П*).

При оценке конституционности норм, связанных с увольнением работника, Конституционный Суд исходит из того, что **стабильная занятость** является важным условием обеспечения достойной жизни и свободного развития человека. В этой связи на законодателя возлагается установление мер, направленных не только на оказание содействия полной, продуктивной и свободно избранной занятости, но и на смягчение неблагоприятных последствий, которые могут наступить для гражданина в результате потери работы и трудового дохода (*постановления от 11 октября 2016 года № 19-П и от 19 мая 2020 года № 25-П*).

На защиту человеческого достоинства во взаимосвязи с принципом равенства направлено указание Конституционного Суда относительно предоставления лицам, временно лишившимся работы и заработка (трудового дохода), социальной поддержки, призванной обеспечить им, по крайней мере, минимально необходимый для удовлетворения жизненно важных потребностей уровень материального достатка (*Постановление от 17 марта 2022 года № 11-П*). Конституционный Суд подчеркнул, что, исходя из конституционно закрепленного требования о проведении Российской Федерацией как социальным государством политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, законодатель, изменяя регулирование социального обеспечения в связи с безработицей, должен соблюдать – наряду с принципами справедливости, юридического равенства, поддержания доверия граждан к закону и действиям государства – также принцип уважения и охраны человеческого достоинства.

Помимо того, законоположения, предусматривающие **гарантии при увольнении работника, осуществляемом не в связи с его виновным поведением**, должны быть основаны на универсальных принципах равенства и справедливости, оказывающих регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступающих критерием оценки законодательного регулирования прав и свобод, не только закрепленных непосредственно в Конституции, но и приобретаемых гражданами на основании закона. Основываясь на приведенных выше соображениях, Конституционный Суд, в частности, признал не соответствующими Конституции положения трудового законодательства в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им судебным толкованием, лишают работника, уволенного из организации, расположенной в районах Крайнего Севера или приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата ее работников, права на выплату среднего месячного заработка за период

трудоустройства лишь по причине того, что этот работник продолжает выполнять иную оплачиваемую работу у другого работодателя, которая на момент увольнения с основной работы являлась для него работой по совместительству (*Постановление от 22 ноября 2024 года № 54-П*).

Конкретизируя средства защиты человеческого достоинства в качестве конституционно значимого блага в трудовых правоотношениях, Конституционный Суд дал оценку конституционности абзаца восьмого части второй статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации с точки зрения **возможности заключения срочного трудового договора** с работником, замещающим должность руководителя структурного подразделения организации, а также правомерности увольнения такого работника в связи с истечением срока данного договора. Исходя из того что правовое регулирование отношений по поводу применения наемного труда, опосредуемых трудовым договором, должно – с учетом положения работника как экономически более слабой стороны в трудовом правоотношении – обеспечивать работнику возможность работать, как правило, на постоянной основе, Конституционный Суд признал неопределенным рассматриваемое законоположение как допускающее на практике различный подход к решению вопроса о возможности заключения срочного трудового договора с работником, относящимся к указанной категории. С учетом того, что срочные трудовые договоры представляют собой исключение из правила о необходимости обеспечить работающему по трудовому договору стабильную занятость, а потому нуждаются в строгой регламентации, в том числе и по причине недопущения умаления достоинства личности в сфере труда, федеральному законодателю было предписано обеспечить правовую определенность соответствующего регулирования (*Постановление от 19 декабря 2023 года № 59-П*).

Обеспечение человеческого достоинства в рамках отдельных правоотношений может потребовать совокупного действия разноотраслевых правовых средств. В том числе гарантией достоинства личности в сфере труда и уважения человека труда служит обеспечение его права на частную жизнь. Примером защиты достоинства работника в указанном аспекте являются дела о проверке конституционности положений Трудового кодекса Российской Федерации, позволяющие работодателю в одностороннем порядке изменять условия трудового договора, а также предусматривающие **возможность увольнения работника, отказавшегося работать в измененных условиях**.

Применительно к возможности изменять в одностороннем порядке местность, в которой работник осуществляет свою трудовую функцию, Конституционный Суд указал, что местность (населенный пункт), в которой осуществляется трудовая деятельность, несомненно относится к существенным условиям трудовой деятельности любого человека. Конкретная местность как пространственная сфера, в которой протекает трудовая деятельность работника, имеет важное значение не только с точки зрения организации труда и его оплаты, но и с точки зрения организации социально-бытовой жизни работника (наличие у

него жилого помещения в данной местности; возможности переезда и аренды жилья; доступность объектов социально-культурной инфраструктуры – медицинских и образовательных учреждений необходимого профиля для самого работника и членов его семьи и пр.). Соответственно, изменение места жительства в связи с изменением рабочего места на иное, расположенное в другой местности, затрагивает не только трудовую деятельность работника, но и обширный круг иных его конституционно значимых интересов — семейную жизнь, социальную активность, реализацию им и членами его семьи прав на образование, медицинскую помощь, участие в культурной жизни. Принципиальная возможность изменения условия трудового договора о рабочем месте по инициативе работодателя — в тех случаях, когда по причинам, связанным с изменением организационных или технологических условий труда оно не может оставаться неизменным, — предполагает учет возможных последствий, выражающихся в изменении иных согласованных сторонами условий осуществления трудовой деятельности и существенным образом затрагивающих интересы работника, которые, исходя из принципов социального государства и уважения человека труда, должны не просто приниматься во внимание, а подлежать приоритетной защите. В этой связи Конституционный Суд пришел к выводу о том, что в тех случаях, когда изменение рабочего места (в том числе когда оно определено в трудовом договоре) сопровождается изменением местности (населенного пункта), в которой должно осуществляться исполнение трудовых обязанностей, оно не может быть произведено без согласия работника. Иначе допускалось бы осуществляемое исключительно в интересах работодателя изменение жизненного уклада работника, затрагивающего важные аспекты его существования в социуме, а это не только нивелировало бы смысл и целевое предназначение законодательных норм, ограничивающих возможности работодателя по изменению условий трудового договора, но и влекло бы за собой выходящее за рамки конституционно допустимых ограничений прав и свобод ущемление конституционного права каждого на свободное распоряжение своими способностями к труду и – вопреки конституционным положениям о социальном государстве, достоинстве личности и уважении человека труда, а равно вытекающему из конституционных предписаний принципу справедливости и требованию о соблюдении баланса прав и законных интересов работника и работодателя – не обеспечивало бы надлежащую защиту работника, являющегося экономически более слабой в трудовом правоотношении стороной, от произвольных действий работодателя (*Постановление от 27 апреля 2024 года № 22-П*).

Как следует из высказанной Конституционным Судом правовой позиции, защита достоинства работника обеспечивается в том числе действительным исполнением вынесенного в его пользу судебного решения. Выявив конституционный смысл регулирования, не препятствующего присуждению по требованию работника судебной неустойки, подлежащей взысканию с работодателя на случай неисполнения судебного акта, обязывающего его

совершить в пользу работника не связанные с передачей имущества или денежных сумм действия, Конституционный Суд отметил следующее. Применение института судебной неустойки для защиты трудовых прав работников направлено на обеспечение реализации ими конституционного права на судебную защиту и согласуется с такой целью трудового законодательства, как установление государственных гарантий трудовых прав работников. Данная мера способствует и реализации статьи 75.1 Конституции, гарантирующей уважение человека труда, поскольку риск неисполнения судебного акта, которым на работодателя возложена обязанность совершить названные действия, затрагивает не только публичные интересы, но и человеческое достоинство работника (*Постановление от 14 ноября 2024 года № 52-П*).

Нормы, обеспечивающие реализацию работником своего **права на отдых**, неоднократно были предметом рассмотрения Конституционного Суда.

Детализируя конституционно обусловленные гарантии уважения достоинства работника применительно к отдельным институтам трудового права, Конституционный Суд исходит в том числе и из важного значения, которым в контексте достойной жизни и свободного развития человека обладает предоставление работнику времени отдыха, используемого им по своему усмотрению. Закрепляя в числе прав и свобод право каждого на отдых, Конституция одновременно гарантирует работающему по трудовому договору установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск (часть 5 статьи 37). Обеспечение права на отдых, досуг, разумное ограничение рабочего времени и оплачиваемый периодический отпуск в качестве обязательного элемента права каждого на справедливые и благоприятные условия труда предполагается, как отмечается в решениях Конституционного Суда, и международными обязательствами Российской Федерации (пункт «d» статьи 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года).

Разрешая вопрос об обеспечении работнику надлежащей оплаты ежегодного отпуска исходя из получаемой им заработной платы, Конституционный Суд указал, что оплата ежегодного отпуска является гарантией полноценной реализации конституционного права на отдых (*Постановление от 17 октября 2024 года № 47-П*). Соответственно, при установлении правового регулирования, определяющего порядок исчисления оплаты ежегодного отпуска, как федеральный законодатель, так и иной субъект нормотворчества, действующий во исполнение предоставленных ему полномочий, обязаны исходить из обеспечения работнику в период отпуска возможности отдыха и восстановления работоспособности. В этой связи оплата предоставляемого работнику отпуска должна быть сопоставима с тем заработком, который он обычно получает в качестве оплаты труда (заработной платы) и который он мог бы получить за период отпуска, если бы не был освобожден от исполнения своих трудовых обязанностей.

В другом деле обеспечение права работника на отдых было соотнесено с оценкой правового регулирования последствий привлечения работника к работе в выходные и нерабочие праздничные дни. Согласно закону по желанию работника, работавшего в выходной или нерабочий праздничный день, ему может быть предоставлен другой день отдыха; в этом случае работа в выходной или нерабочий праздничный день оплачивается в одинарном размере, а день отдыха оплате не подлежит. Вместе с тем работник, выбирая вместо повышенной оплаты за работу в выходной или нерабочий праздничный день дополнительный день отдыха, не всегда имеет возможность его использовать до момента увольнения с работы. В таком случае его работа в выходной или нерабочий праздничный день оказывается оплаченной в обычном размере, без учета того, что работник был лишен времени отдыха, поскольку законодатель не предусмотрел обязанность работодателя выплатить такому работнику дополнительную компенсацию при увольнении. В этой связи Конституционный Суд указал, что привлечение работников к работе в предназначенное для отдыха время, которое они не могут использовать по его прямому назначению и своему усмотрению, означает, что работники подвергаются дополнительной физиологической и психоэмоциональной нагрузке и несут повышенные трудовые затраты, обусловленные увеличением рабочего времени и сокращением времени отдыха, необходимого, в первую очередь, для восстановления сил и работоспособности. Исходя из приведенных соображений Конституционный Суд пришел к выводу об обязанности работодателя при увольнении работника, не использовавшего в период работы дни отдыха, предоставленные за работу в выходные и нерабочие праздничные дни, выплатить ему за весь период трудовой деятельности разницу между оплатой работы в указанные дни в повышенном размере и произведенной за эти дни оплатой в одинарном размере. При этом сам факт выбора работником по согласованию с работодателем предоставления других дней отдыха вместо повышенного размера оплаты не может рассматриваться как препятствие для получения им такой денежной выплаты. Именно такое понимание рассмотренного регулирования в наибольшей степени, как было подчеркнуто в решении Конституционного Суда, согласуется с принципами социальной солидарности, уважения труда граждан и уважения человека труда (*Постановление от 6 декабря 2023 года № 56-П*).

Как следует из изложенного, защита человеческого достоинства в сфере трудовых (служебных) отношений средствами конституционного нормоконтроля вносит значимый вклад в претворение конституционных новелл 2020 года об уважении труда и человека труда.

В области социальной защиты содержание категории достоинства раскрывается через предопределяемую конституционными предписаниями, связывающими государство социальными обязательствами перед населением, юридическую меру притязаний индивидов, не имеющих возможности в силу объективных обстоятельств самостоятельно достичь материального благополучия, на гарантирование обеспеченности со стороны государства

(системы социального страхования) на необходимом для удовлетворения основных жизненных потребностей уровне, а также обязанность государства по установлению соответствующего нормативного механизма.

Применительно к данным правоотношениям нормативное содержание достоинства как конституционной ценности устанавливается в решениях Конституционного Суда преимущественно через обращение к смежному понятию «достойное существование» («достойная жизнь»). Обеспечение человеческого достоинства соотносится, таким образом, с обеспечением достойного уровня жизни. При этом конституционность правового регулирования оценивается с учетом особенностей правового статуса отдельных категорий граждан, определяемых, в частности, спецификой их профессиональной деятельности или условий ее осуществления, половозрастными характеристиками, наличием семейных обязанностей, состоянием здоровья и т.п.

Притом что конституционно возложенная на государство обязанность по защите достоинства не дифференцируется в зависимости от принадлежности лица к той или иной группе, конституционная характеристика российской государственности как социальной, а также утверждение отдельных конституционных ценностей, включая солидарность, в ряде случаев обуславливают — применительно к представителям уязвимых групп населения — потребность в особых гарантиях обеспечения права на уважение и охрану человеческого достоинства.

С учетом этого конституционные новеллы 2020 года обозначили новые направления защиты человеческого достоинства. Провозглашая **материнство, детство и семью в качестве ценностей**, нуждающихся в повышенной защите, они ориентируют органы публичной власти, чьей обязанностью является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, на создание условий, обеспечивающих гарантии государственной поддержки названных ценностей. Задачам охраны достоинства личности корреспондируют конституционные положения, согласно которым дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (статья 67.1, часть 4), а защита семьи, материнства, отцовства и детства, создание условий для достойного воспитания детей в семье отнесены к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (статья 72, пункт «ж.1» части 1).

Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России (статья 67.1). Данным обстоятельством предопределяется значительное внимание, проявляемое в ходе конституционного нормоконтроля к защите их прав. При этом, отмечает Конституционный Суд, последовательно развивая подходы, которые были им выражены еще до конституционной реформы 2020 года, ответственность за обеспечение надлежащих условий реализации ребенком права на достойный уровень жизни ложится в первую очередь на его родителей и

обязывает их предпринять для этого все возможные усилия (*постановления от 20 июля 2010 года № 17-П и от 15 октября 2024 года № 46-П*).

Государство, в свою очередь, должно установить такое правовое регулирование, которое способствовало бы созданию наиболее благоприятных условий для осуществления работающими родителями лежащей на них конституционной обязанности заботы о детях и их воспитания. Одной из таких гарантий является предоставление одному из родителей отпуска по уходу за ребенком. В этой связи Конституционный Суд, оценивая конституционность регулирования **прав женщин (матерей)** – сотрудников органов внутренних дел на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, обратил внимание на то, что государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства предполагает наличие правовых механизмов, которые среди прочего обеспечивали бы родителям создание условий для достойного выполнения такой общественно полезной функции, как забота о детях, в том числе малолетних, и их воспитание, исходя из традиционных ценностей и общепринятых в социальных государствах стандартов (*Постановление от 17 июня 2024 года № 30-П*).

Особая роль семьи в развитии личности ребенка, удовлетворении его духовных потребностей и обусловленная этим ценность института семьи предполагают приоритет семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, за счет надлежащих правовых механизмов, связывающих лицо, заменяющее родителя, с таким ребенком, что выступает гарантией права ребенка на достойную жизнь и воспитание (*постановления от 31 января 2014 года № 1-П, от 12 марта 2015 года № 4-П, от 20 июня 2018 года № 25-П, от 15 октября 2024 года № 46-П, от 11 февраля 2025 года № 6-П*). В качестве одной из таких гарантий, служащих также защите человеческого достоинства, выступают законодательно предусмотренные различные формы **устройства детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью**. Одновременно соответствующие правовые механизмы позволяют гражданам, в том числе тем, для кого биологическое материнство или отцовство исключено по медицинским показаниям, реализовать естественную потребность в осуществлении родительской заботы. Наиболее предпочтительной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, является усыновление (удочерение). Будучи гарантией права ребенка на достойную жизнь, оно, указывает Конституционный Суд, распространяется не только на детей, оставшихся без попечения обоих родителей, но и на пасынков (падчериц), которые воспитываются в семье и усыновление (удочерение) которых не изменяет их статуса в качестве детей, имеющих родительское попечение, пусть и в лице единственного родителя (*определения от 25 января 2012 года № 6-О-О, от 22 ноября 2012 года № 2166-О и др.*).

Основываясь на конституционных положениях относительно создания государством условий, обеспечивающих **достойную жизнь и свободное развитие детей** и, в частности, получение ими образования (статьи 7, 38, 43 и часть 4 статьи 67.1 Конституции), Конституционный Суд отнес к обязанностям публичной

власти обеспечение транспортной доступности образовательных организаций, в том числе посредством организации бесплатных перевозок детей (*Постановление от 5 июля 2017 года № 18-П*); а также указал на недопустимость лишения права на предоставление жилья за счет бюджетных средств лица, находящегося в силу конституционных предписаний под особой опекой государства — гражданина из списка лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, подлежащих обеспечению жилыми помещениями, — ввиду приобретения им жилого помещения с использованием средств ипотечного кредита и материнского (семейного) капитала (*Постановление от 18 июля 2025 года № 30-П*).

В социальном государстве, каковым согласно статье 7 Конституции является Российская Федерация, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, достоинство личности охраняется государством, политика которого направлена на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека и в котором обеспечивается государственная поддержка инвалидов, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты и каждому гарантируется социальное обеспечение, в том числе в случае инвалидности. Согласно высказанным Конституционным Судом правовым позициям, **уважение потребностей инвалидов** как лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите, предполагает создание специальных условий и правил, имеющих целью предоставить этой категории граждан дополнительные преимущества, с тем чтобы гарантировать равные с другими гражданами возможности реализации конституционных прав и свобод.

В общем русле данного подхода в решениях Конституционного Суда обосновывается связь достоинства личности с наличием нормальных жилищных условий (*постановления от 10 декабря 2019 года № 39-П и от 25 апреля 2023 года № 20-П; Определение от 4 декабря 2003 года № 456-О*). В этой связи были разъяснены положения Жилищного кодекса о внеочередном предоставлении жилого помещения по договору социального найма гражданам, страдающим тяжелой формой хронического заболевания, при котором невозможно совместное проживание и необходим постоянный уход. Площадь предоставляемого помещения должна быть, как указал Конституционный Суд, определена с учетом необходимости обеспечить ему, помимо отдельного проживания, возможность получать уход и содействие в удовлетворении его особых потребностей, когда требуется постоянное нахождение с ним в предоставляемом ему жилом помещении опекуна или вселение опекуна – члена семьи подопечного по смыслу семейного законодательства (супруга или близкого родственника) на основе реализации возможности предоставить жилое помещение по договору социального найма общей площадью, превышающей норму предоставления на одного человека. Иное фактически принуждало бы обоих – гражданина и опекуна – вселиться в помещение, пригодное по размеру для проживания одного лишь гражданина, страдающего тяжелой формой хронического заболевания, вступая, среди прочего, в противоречие с конституционным положением о защите достоинства личности (*Постановление от 1 февраля 2021 года № 3-П*).

Одним из значимых направлений социальной поддержки как совокупности социально-экономических гарантий, обеспечивающих уважение к человеческому достоинству, выступает обеспечение доступной и качественной медицинской помощи и, в частности, необходимых лекарственных средств **гражданам с жизнеугрожающими и хроническими прогрессирующими редкими (орфанными) заболеваниями**. Ненадлежащее обеспечение лекарственными средствами граждан данной категории не только ставит в условия потенциальной опасности их жизнь и здоровье, а также не согласуется с принципами справедливости и взаимного доверия государства и общества, но и идет вразрез с конституционным предписанием об охране государством достоинства личности. С учетом этих обстоятельств Конституционный Суд выявил наличие в регулировании конституционно значимого пробела, создающего критические риски для жизни и здоровья граждан и выражающегося в отсутствии резервного механизма (за счет федерального бюджета) обеспечения лекарственными препаратами, требующимися для лечения названных выше заболеваний для ситуаций, когда обычный порядок лекарственного обеспечения (за счет региональных бюджетов) не достигает цели и становится очевидным, что соответствующая обязанность органами государственной власти субъекта не может быть исполнена должным образом (*Постановление от 26 сентября 2024 года № 41-П*).

Разрешая вопрос об условиях и порядке обеспечения жилыми помещениями **граждан, признанных малоимущими**, Конституционный Суд подчеркнул, что люди, оказавшиеся в такой тяжелой жизненной ситуации, как непригодность для проживания единственного жилья при отсутствии средств не только на приобретение другого, но и нередко на наем жилья, нуждаются в ясном и понятном регулировании, которое позволило бы им планировать свои действия для выхода из данной ситуации, а также определило бы обязанности публичной власти по содействию им. При этом в равной мере должны быть удовлетворены – в должной правовой форме – и требования о сбалансировании их прав с правами других лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий (*Постановление от 23 мая 2025 года № 21-П*). В связи с этим положения жилищного законодательства, в силу которых даже при всем наборе юридических фактов гражданин был не в силах – в том числе обратившись в компетентный орган власти, а затем и в суд – сформировать уверенные ожидания в отношении возможности и способа удовлетворения своих жилищных потребностей, были признаны противоречащими конституционным гарантиям достоинства личности и права на жилище, принципам равенства, справедливости и соразмерности ограничений прав и свобод, а также их эффективной государственной защиты (*Постановление от 25 апреля 2023 года № 20-П*).

Надлежащее регулирование порядка **формирования и реализации пенсионных прав** обладает особым значением для материальной обеспеченности и удовлетворения основных жизненных потребностей пенсионеров, а тем самым для защищенности их человеческого достоинства.

Законодатель, исходя из признания достоинства личности во всех сферах правового регулирования и принимая во внимание, что именно трудовая пенсия по своей юридической природе и предназначению направлена на восполнение потерь от объективной невозможности продолжения трудовой деятельности, должен определить минимальный размер трудовой пенсии по старости, обеспечивающий по крайней мере такой жизненный уровень, при котором — с учетом всех иных предоставляемых конкретной категории пенсионеров мер социальной поддержки — не ставилась бы под сомнение сама возможность достойной жизни гражданина как пенсионера, осуществления им иных конституционно провозглашенных прав и свобод личности и тем самым не умалялось бы его человеческое достоинство (*Определение от 15 февраля 2005 года № 17-О*).

На восстановление справедливости в сфере пенсионного обеспечения была, в частности, направлена проверка конституционности правового механизма реализации сотрудниками ряда правоохранительных органов права на пенсию, выплата которой была приостановлена, а затем прекращена. Исходя из того, что посредством установления и выплаты пенсии за выслугу лет реализуется государственная гарантия материального обеспечения лиц, проходивших военную службу, направленная на поддержание как их особого социального статуса, так и соответствующего уровня их материального достатка при оставлении службы, Конституционный Суд пришел к выводу о том, что правовой механизм реализации права на пенсию, выплата которой была приостановлена, а затем прекращена, должен обеспечивать гражданину, безотносительно к избранному способу доставки и получения пенсии, возможность получения сумм не выплаченной ему пенсии за весь период, в течение которого ее выплата не производилась, притом что в этот период право на назначенную ему пенсию гражданин не утрачивал. В этой связи оспоренные положения, допускающие выплату лицу, уволенному с военной службы, не полученной им пенсии за выслугу лет, выплата которой была приостановлена и в последующем прекращена, лишь в размере, не превышающем сумму, исчисленную за три года, предшествующие обращению пенсионера в пенсионный орган за восстановлением выплаты пенсии — притом что в период, когда она не выплачивалась, право на эту пенсию пенсионер не утрачивал, — были признаны не соответствующими Конституции (*Постановление от 7 апреля 2022 года № 14-П*).

В целом осуществляемое в решениях Конституционного Суда укрепление гарантий получения гражданином материального обеспечения, заслуженного предшествующим выполнением определенных, значимых для общества служебных (трудовых) обязанностей, способствует конституционно предусмотренной защите человеческого достоинства.

В контексте защиты человеческого достоинства большое значение имеет следование законодателя конституционно обусловленным **критериям проведения реформ в социальной сфере**. Несовпадение ожиданий, основанных

на нормах ранее действовавшего законодательства, и новой правовой реальности, в которой условия приобретения и реализации права на социальное обеспечение изменились (и не всегда в лучшую для получателей социальных благ, выплат или услуг сторону), снижает ощущение самоценности человека как личности, особенно в тех случаях, когда ухудшение условий социального обеспечения осуществлено с отступлением от конституционных принципов равенства и справедливости. В этих обстоятельствах установление согласующегося с принципом уважения и охраны человеческого достоинства порядка реализации ранее приобретенных гражданами прав имеет несомненную важность.

Изменение содержания и форм предоставления ранее установленных льгот и реализации социальных гарантий, согласно неоднократно выраженной Конституционным Судом правовой позиции, должно осуществляться с соблюдением принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Данный принцип предполагает правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, предсказуемость политики в социальной сфере, иначе новое правовое регулирование, по существу, будет означать произвольную отмену прав, приобретенных гражданами в соответствии с ранее действовавшим законодательством и реализуемых в конкретных правоотношениях.

Располагая достаточно широкой свободой усмотрения при выборе конкретных мер и средств социальной поддержки граждан, законодатель, подчеркивает Конституционный Суд, тем не менее **связан требованиями справедливости, равенства, соразмерности и правовой определенности**. В связи с этим граждане, рассчитывающие на получение мер социальной поддержки и действующие добросовестно, должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности приобретенных прав и обязанностей.

Требованиями справедливости, разумности и правовой определенности связаны и суды, которые должны посредством толкования закона восполнять недостаточную ясность и определенность правового регулирования, тщательно подходить к исследованию и оценке всех значимых фактических обстоятельств дела и не ограничиваться установлением лишь формальных условий применения норм права. В свете принципа уважения и охраны человеческого достоинства формальный подход тем более недопустим в спорах гражданина с государством, в которых он является слабой стороной и в которых применение правовых норм без учета всех обстоятельств дела несет риски значительного ухудшения его имущественного положения – вопреки целям социального государства, призванного создавать условия для достойной жизни и свободного развития граждан (*Постановление от 14 января 2020 года № 2-П*).

Достоинство не только экзистенциальное условие человеческой жизни, но и показатель ее материального качества (достойная жизнь), позволяющий преодолевать социальную уязвимость и осуществлять позитивное социальное взаимодействие. Социальные, трудовые, культурные и экологические права, обеспечивая совокупность гарантий, которые позволяют личности вести соответствующее ее достоинству существование, в равной степени необходимы для поддержания достойной жизни, вне которой нет и не может быть полноценного уважения и охраны человеческого достоинства.

Правовые механизмы обеспечения уважения и охраны человеческого достоинства в социально-трудовой сфере нацелены на обеспечение конституционно приемлемого сочетания экономической рациональности и уважения достоинства работников в регулировании труда, а также на преодоление (компенсацию) состояния уязвимости, характеризующего отдельные социальные группы. Укрепляя, помимо прочего, позитивные социальные связи, они тем самым способствуют утверждению солидарности как значимой конституционной ценности и, в конечном счете, поддержанию гражданского мира.

Конкретизировав нормативное содержание категории человеческого достоинства в социально-трудовой сфере, конституционные новеллы 2020 года поставили перед российской правовой системой задачу должного обеспечения этих новых, подвергшихся конституционализации, аспектов. Свой вклад в их нормотворческое и правоприменительное претворение вносит и конституционный нормоконтроль. Как вытекает из изложенного выше, он был и остается важным фактором защиты человеческого достоинства в сфере труда и социальной защиты, в том числе имея в виду влияние, оказываемое на практику ординарных судов. При этом наиболее полному достижению конституционно поставленных целей защиты человеческого достоинства в названных сферах способствует учет значимых особенностей отдельных категорий граждан.

2.3. Защита достоинства в сфере публичного принуждения

Требования защиты достоинства личности как абсолютного права определяют конституционно-правовую оценку законодательного регулирования в сфере публичного принуждения, в том числе не связанного с возложением публичной ответственности.

С категорией человеческого достоинства соотносится целый ряд положений Уголовного кодекса Российской Федерации (статьи 110, 127.2, 128.1, 148, 286 и др.), Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (статьи 9, 202, 241 и др.), Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (статьи 5.13, 5.61, 5.61.1, 13.15, 20.1, 20.3.1 и др.), Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании (преамбула; статьи 5, 6), Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (статьи 4, 5).

В решениях Конституционного Суда раскрываются многие значимые аспекты защиты достоинства личности в сфере публичного принуждения, регулируемого уголовным, уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным, административно-деликтным законодательством, а также законодательством, определяющим порядок принудительной госпитализации.

Предусматривая наиболее серьезные правовые последствия за посягательство на человеческое достоинство — **меры публичного принуждения, в том числе имея в виду выполняемую ими функцию превенции**, публично-правовая ответственность служит осязаемой гарантией уважения человеческого достоинства.

Как указывает Конституционный Суд, государство обязано предусмотреть меры предупреждения общественно опасных деяний, посягающих на неприкосновенность личности, обеспечить эффективное противодействие физическому насилию, а также вправе, приняв к сведению тяжесть и степень распространенности таких деяний, выбрать ту или иную конструкцию состава правонарушения, установить признаки противоправности деяния, вид ответственности за его совершение, конкретизировать меры наказания, учитывая особую конституционную значимость достоинства личности и права на личную неприкосновенность, необходимость повышенной их защиты, обеспечивая при этом соразмерность ответственности ценностям, охраняемым законом, включая уголовный, при строгом соблюдении принципов равенства и справедливости (*Постановление от 8 апреля 2021 года № 11-П*).

Категория достоинства занимает заметное место в конструкции отдельных составов уголовных преступлений. В частности, достоинство личности является основным объектом уголовно-правовой охраны (статья 128.1 «Клевета» УК Российской Федерации) либо дополнительным объектом в конструкции иных составов преступлений (статьи 110 «Доведение до самоубийства», 150

«Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», 172.4 «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц», 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», 290 «Получение взятки», 303 «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности», 354.1 «Реабилитация нацизма»).

Реализуя конституционные предписания и учитывая особую конституционную значимость достоинства личности и права на личную неприкосновенность, федеральный законодатель установил в Уголовном кодексе группу норм о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности (*Определение от 30 ноября 2023 года № 3247-О*).

Уголовный кодекс, будучи, как отмечает Конституционный Суд, единственным законодательным актом, определяющим преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, также устанавливает уголовную ответственность за неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства, судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (статья 297 УК Российской Федерации). Соответствующее преступление посягает не только на порядок отправления правосудия, но и на честь и достоинство личности (*Определение от 28 апреля 2022 года № 882-О*). Равным образом на охрану не только порядка управления, но и достоинства личности направлена уголовная ответственность за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением (статья 319 УК Российской Федерации), призванная в том числе предупреждать такие недопустимые виды использования свободы слова и свободы распространения информации, которые выражены в неприличной форме, посягают на порядок управления и достоинство представителей власти, совершены публично и с прямым умыслом (*Определение от 25 апреля 2024 года № 889-О*).

Наряду с этим обеспечение уважения и охраны человеческого достоинства — в особенности в контексте столь важной его гарантии, как право на личную неприкосновенность, исключаящее жестокое, бесчеловечное и унижающее обращение, — особо значимо там, где риск возможного умаления достоинства объективно высок, а именно при **применении мер публичного принуждения**, являющегося системообразующим признаком публичной ответственности. В этой связи защита достоинства личности предстает в качестве нормативного принципа соответствующих отраслей (статья 9 «Уважение чести и достоинства личности» УПК Российской Федерации, статья 7 «Принцип гуманизма» УК Российской Федерации), в силу которого в ходе уголовного судопроизводства не допускается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь и достоинство участника процесса; наказание и иные меры уголовно-правового характера не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Конституционные требования справедливости и соразмерности определяют, по общему правилу, необходимость дифференциации юридической ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при выборе той или иной меры государственного принуждения.

В своих решениях и аналитических документах Конституционный Суд многократно указывал на то, что недостаточный учет со стороны законодателя конституционно значимых общих принципов юридической ответственности, ослабляя нормативную упорядоченность общественных отношений, влечет за собой произвольную правоприменительную практику, которая особенно болезненно отражается на конституционном статусе личности при возложении публичной ответственности.

Исходя из выраженных Конституционным Судом правовых позиций, уважение человеческого достоинства предполагает соответствие мер публичной ответственности и правил их применения характеру правонарушения, его опасности для конституционных ценностей, а также адекватность порождаемых последствий для лица, привлекаемого к ответственности, тому вреду, который был причинен в результате правонарушения, учет причин и условий его совершения, личности правонарушителя и степени вины. Применение мер ответственности без надлежащего учета характеризующих виновное в совершении деяния лицо обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, будучи несовместимо с принципом индивидуализации ответственности за правонарушения и противореча конституционному запрету дискриминации и конституционно выраженным идеям справедливости и гуманизма, с очевидностью умаляет человеческое достоинство.

В целях защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, обороны страны, а также в иных конституционно значимых целях федеральный законодатель не только вправе, но и обязан использовать все доступные – в рамках своих дискреционных полномочий – средства, включая установление того или иного вида юридической ответственности, руководствуясь при этом общими ее принципами, которые имеют универсальное значение и по своей сути относятся к основам конституционного правопорядка. Одним из таких принципов является конституционно закрепленное правило *non bis in idem*.

В рамках уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений право на уважение и охрану достоинства подвергается наиболее серьезным рискам. Не случайно в правовых позициях Конституционного Суда, посвященных защите достоинства при публичном преследовании и применении мер публичной ответственности, преобладает именно пеналистическая тематика.

В частности, немало правовых позиций Конституционного Суда посвящено обеспечению достоинства личности в уголовном судопроизводстве. Указывая на

важное значение процессуальных гарантий, в них Конституционный Суд подчеркивает обязанность государства обеспечить реальный доступ к правосудию, полное осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной, тем более если она обеспечивает охраняемые государством достоинство личности, свободу и личную неприкосновенность, право на квалифицированную юридическую помощь и другие права и свободы. Иное означало бы умаление права на судебную защиту, а вместе с тем чести и достоинства личности, причем самим государством (*постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 28 мая 1999 года № 9-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 18 марта 2014 года № 5-П и др.*).

Поскольку достоинство является неотъемлемым правом и каждому должна быть обеспечена возможность его отстаивать, в том числе требуя его признания и защиты, ограничение конституционного **права на судебную защиту**, являющегося гарантией всех основных прав и свобод, приобретает признаки недопустимого умаления во всех затрагивающих человеческое достоинство ситуациях. В решениях Конституционного Суда подчеркивается важность надежного функционирования процессуальных механизмов, предотвращающих незаконное (необоснованное) применение публично-правовых санкций, а также обеспечивающих при применении мер публичной ответственности соблюдение принципов справедливости и соразмерности (пропорциональности). Так, например, предопределенная отсутствием надлежащих процессуальных механизмов обязанность подчиниться незаконному осуждению расценивается в качестве явно умаляющего достоинство личности, а потому неконституционного, лишения права оспаривать такое осуждение (*постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 21 ноября 2017 года № 30-П и от 20 января 2023 года № 3-П*).

Как следует из конституционно-судебной практики, умалением достоинства признается лишение заинтересованных лиц права добиваться исправления возможных ошибок, допущенных судом (независимо от вида судопроизводства) при постановлении решения или приговора; обусловленность возможности пользоваться помощью адвоката (защитника) усмотрением органов дознания и следствия; отступление от обязательного условия вызова судьей обвиняемого или его защитника для дачи процессуальных объяснений по жалобе либо ходатайству; необеспечение пострадавшим адекватных возможностей отстаивания своих интересов в суде; отсутствие возможности пересмотра окончательного судебного решения в связи с имевшим место в ходе предшествующего разбирательства фундаментальным нарушением, которое повлияло на исход дела. Все это рассматривается Конституционным Судом в качестве препятствия действию конституционных гарантий защиты достоинства личности, обладающей различными, предусмотренными уголовно-процессуальным законом, статусами – обвиняемого, осужденного, потерпевшего (*постановления от 6 июля 1998 года № 21-П, от 28 мая 1999 года № 9-П, от 27 июня 2000 года № 11-П и от 11 мая 2005 года № 5-П; Определение от 5 декабря 2003 года № 446-О*).

Как было разъяснено Конституционным Судом, ознакомление с процессуальными решениями является неотъемлемой составляющей права на судебную защиту, обязательной предпосылкой для эффективного их обжалования с принесением конкретных доводов и возражений. Применительно к уголовному судопроизводству это право подлежит обеспечению лицам, имеющим существенные нарушения функции зрения, таким образом, чтобы они на равных с другими гражданами имели возможность выступать в качестве участников процесса. Иное, отмечает Конституционный Суд, не только приводило бы к ограничению права защищать свои права и свободы лично не запрещенными законом способами и препятствовало бы реализации не подлежащего ограничению ни при каких обстоятельствах и выступающего гарантией в отношении всех иных конституционных прав и свобод права на судебную защиту, но и умаляло бы достоинство личности (*Определение от 28 декабря 2021 года № 2650-О*).

Тем самым изъяны процессуального закона очевидно препятствуют должной защите человеческого достоинства. В частности, отмечается в решениях Конституционного Суда, отсроченный контроль за законностью и обоснованностью промежуточных судебных решений, обеспечивающих исследование всех обстоятельств дела, не является достаточной гарантией прав и свобод человека и гражданина в тех случаях, когда определения или постановления суда первой инстанции порождают последствия, выходящие за рамки собственно уголовно-процессуальных отношений, существенно ограничивая при этом конституционные права и свободы личности и причиняя им вред, восполнение которого в дальнейшем может оказаться неосуществимым; судебная проверка таких определений и постановлений суда по жалобам участников судопроизводства, чьи права и свободы ими затрагиваются, должна обеспечиваться безотлагательно, до постановления приговора (*Определение от 17 ноября 2009 года № 1530-О-О*).

В соответствии с высказанной Конституционным Судом правовой позицией, заинтересованное лицо вправе не только подать в уполномоченный государственный орган или должностному лицу заявление, ходатайство или жалобу, но и получить на свое обращение адекватный ответ. Не допускается как произвольное оставление обращения (в том числе кассационной жалобы) без ответа по существу поставленных в нем вопросов, так и злоупотребление правом на обращение в суд кассационной (надзорной) инстанции. При этом решение об оставлении повторной кассационной жалобы без рассмотрения по основаниям, предусмотренным статьей 401.17 УПК Российской Федерации, и разъяснение требований указанной статьи, не определяя по-иному права и обязанности сторон, не предполагает вынесения об этом процессуального решения в виде постановления либо определения (*Определение от 30 ноября 2021 года № 2597-О*).

С учетом изложенного Конституционный Суд охарактеризовал в качестве средства защиты человеческого достоинства право граждан обращаться в

квалификационные коллегии судей с требованием о привлечении судей к дисциплинарной ответственности. Данное право, как отметил Конституционный Суд, имеет конституционную основу, поэтому лицу, которое полагает, что судья в ходе осуществления правосудия допустил действия или высказывания, умаляющие его достоинство, либо своим бездействием допустил их умаление со стороны других участников процесса, должна быть обеспечена, по крайней мере, справедливая процедура рассмотрения его жалобы. Иное фактически означало бы превращение гарантий независимости и неприкосновенности судей из средства защиты публичных интересов в их личную привилегию, что, в свою очередь, могло бы повлечь умаление достоинства личности при осуществлении правосудия, несовместимое с конституционными требованиями (*Определение от 7 июня 2011 года № 766-О-О*).

Значительное внимание в рамках конституционного нормоконтроля уделяется вопросам **защиты достоинства потерпевших**. Государство обязано принимать меры по защите жертв преступного насилия, поскольку в случае отсутствия надлежащих защитных мер достоинство потерпевших умаляется уже самим государством (*постановления от 8 апреля 2021 года № 11-П, от 25 мая 2023 года № 26-П и от 29 мая 2025 года № 24-П*).

Согласно выраженным Конституционным Судом правовым позициям, охрана достоинства личности потерпевших предполагает, в частности, надлежащую защиту средствами уголовного закона малолетних потерпевших; минимизацию при назначении наказания всего, что может неблагоприятно сказаться на защищенности достоинства потерпевшего, стать потенциально опасным и во всяком случае психологически болезненным для него; обеспечение прав родственника погибшего в результате преступления, участвующего в уголовном деле в качестве потерпевшего; признание заинтересованных лиц потерпевшими по уголовному делу, возбужденному в отношении следователя (дознавателя) в связи с фальсификацией доказательств; признание лица потерпевшим по возбужденному уголовному делу о его вовлечении в период несовершеннолетия в совершение преступления, причиняющего вред его нормальному физическому, психическому и нравственному развитию; признание потерпевшим отказавшегося дать взятку лица в связи с попыткой вовлечения его в коррупционное преступление, в том числе не связанное с вымогательством взятки.

В том числе на защиту достоинства потерпевших направлена и высказанная Конституционным Судом правовая позиция, согласно которой невозможность в судебном разбирательстве изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, в случаях, когда суд приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления, либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния

как более тяжкого преступления, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона, что недопустимо (*Постановление от 2 июля 2013 года № 16-П*).

Обязанность государства гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы в суде, вытекает, как отметил Конституционный Суд, также из конституционных положений о защите достоинства личности, согласно которым оно охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления. Применительно к личности потерпевшего это предполагает обязанность государства не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность защищать, прежде всего в суде, свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами. Как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения потерпевший имеет свои собственные интересы, для защиты которых он наделяется соответствующими правами. В частности, он вправе заявлять о совершенном в отношении него преступлении, представлять доказательства, поддерживать обвинение, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, в том числе на постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, обжаловать приговор, определение и постановление суда (*постановления от 24 апреля 2003 года № 7-П и от 12 мая 2022 года № 18-П, Определение от 18 января 2005 года № 131-О*). Помимо того, согласно указанию Конституционного Суда, потерпевшему должна быть обеспечена возможность пересмотра судебных постановлений по гражданским делам в связи с обстоятельствами, установленными постановлениями следователя об отказе в возбуждении либо о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (*Постановление от 16 января 2025 года № 1-П*).

Учитывая, что незаконное или необоснованное уголовное преследование одновременно грубо посягает на человеческое достоинство, применительно к личности подозреваемого (обвиняемого) непосредственным выражением конституционного принципа уважения достоинства личности в системной взаимосвязи с принципами гуманизма, справедливости, законности, презумпции невиновности, права каждого на защиту, в том числе судебную, его прав и свобод являются, в соответствии с выраженной Конституционным Судом правовой позицией, возможность реабилитации, т.е. восстановления чести, доброго имени, опороченного неправомерным обвинением лица, а также обеспечение проверки законности и обоснованности уголовного преследования и принимаемых процессуальных решений, в случае необходимости осуществляемой в судебном порядке (*Постановление от 14 июля 2011 года № 16-П*). Согласно выводу, к которому пришел Конституционный Суд по итогам проверки статьи 401.6 УПК Российской Федерации, действующее регулирование не соответствует

Конституции в той мере, в какой им не ограничен период с момента вступления в силу судебного акта о возмещении реабилитированному расходов на оплату юридической помощи, в течение которого может быть принято решение суда кассационной инстанции о пересмотре этого акта, влекущее поворот его исполнения и возврат присужденных реабилитированному сумм (*Постановление от 23 сентября 2021 года № 41-П*).

Исходя из упомянутой выше презумпции о том, что любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы грубо посягает и на человеческое достоинство (*постановления от 15 января 1999 года № 1-П, от 2 июля 2013 года № 16-П и др.*), Конституционный Суд высказал ряд правовых позиций, направленных на обеспечение права на доступ потерпевших к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, являющихся в сфере уголовного судопроизводства важными гарантиями уважения человеческого достоинства.

Так, рассматривая вопрос о праве на компенсацию морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, Конституционный Суд пришел к следующему выводу: признание лица потерпевшим от такого преступления предполагает, что, нарушая в первую очередь имущественные права потерпевшего, оно одновременно посягает и на важнейшее нематериальное благо — достоинство личности и тем самым при определенных обстоятельствах может порождать у этого лица физические или нравственные страдания. Их причинение потерпевшему влечет за собой — наряду с возмещением причиненного ему в результате преступления имущественного ущерба — и возникновение у него права на компенсацию морального вреда в рамках предусмотренных законом процедур (*Постановление от 26 октября 2021 года № 45-П*).

Конституционный Суд признал допустимость возложения на наследников подозреваемого и обвиняемого, уголовное преследование которого прекращено по нереабилитирующим основаниям, обязанности компенсировать моральный вред потерпевшему от этого преступления в пределах стоимости наследственного имущества, вне зависимости от наличия на момент смерти причинителя вреда вступившего в силу судебного акта, обязывающего его выплатить соответствующую компенсацию. Иной подход к решению вопроса о взыскании с наследников компенсации морального вреда не только снижал бы уровень конституционно-правовой защищенности потерпевших от преступлений, но и создавал бы в системе действующего правового регулирования, призванного обеспечить приоритетную защиту конституционно значимых ценностей (в первую очередь — самого человека, его прав и свобод, а равно и достоинства личности), неоправданные препятствия для применения гарантий прав потерпевших, что не отвечало бы требованиям справедливости (*Постановление от 29 мая 2025 года № 24-П*).

Проверив конституционность статьи 42 УПК Российской Федерации, Конституционный Суд установил, что оспариваемое регулирование предполагает возможность признать потерпевшим по уголовному делу, возбужденному в

отношении следователя (дознателя) в связи с фальсификацией доказательств по расследованному им уголовному делу, лицо, осужденное по этому уголовному делу, в том числе в случае, когда постановленный в отношении осужденного обвинительный приговор не отменен (не изменен). Иное толкование бесосновательно ограничивало бы право потерпевшего от преступлений и злоупотреблений властью на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, а также означало бы умаление чести и достоинства личности потерпевшего не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством (*Постановление от 12 мая 2022 года № 18-П*).

В дальнейшем Конституционным Судом была выражена правовая позиция, согласно которой статья 42 УПК Российской Федерации также предполагает признание лица потерпевшим по возбужденному уголовному делу о его вовлечении в период несовершеннолетия в совершение преступления, как причиняющем вред нормальному физическому, психическому и нравственному развитию и воспитанию несовершеннолетней личности, независимо от способа такого вовлечения. Придание оспариваемому регулированию иного смысла при разрешении вопроса о признании лица потерпевшим по возбужденному уголовному делу о его вовлечении в период несовершеннолетия в совершение преступления не только снижало бы уровень защищенности таких лиц, предопределяемый сложившимся в правовом государстве конституционным правопорядком, но и создавало бы в системе действующего правового регулирования – призванного обеспечивать приоритетную защиту конституционно значимых ценностей (в первую очередь всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие детей, воспитание в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, их права и свободы, достоинство личности) – необоснованные препятствия для применения повышенных гарантий реализации прав этой особой группы потерпевших от преступлений (*Постановление от 25 мая 2023 года № 26-П*).

Отметив, что попытка вовлечения (склонения) лица, отказавшегося дать взятку, в совершение такого коррупционного преступления любым способом, в том числе не связанным с вымогательством взятки, во всяком случае свидетельствует об осуществлении в отношении соответствующего лица противозаконного поведения, выражающего пренебрежительное и (или) негативное отношение не только к установленному порядку осуществления той или иной сферы публично-властной деятельности, но и одновременно к охраняемым законом правам и интересам конкретного человека, включая достоинство его личности, Конституционный Суд указал на необходимость признания лица, которое отказалось от предложения о даче взятки, сообщило о данном предложении в правоохранительные органы и содействовало изобличению виновных, потерпевшим по уголовному делу о получении взятки (*Постановление от 1 октября 2024 года № 42-П*).

Обращаясь к вопросу уголовно-правовой защиты личности от насильственных преступных посягательств, Конституционный Суд, помимо прочего, обращает внимание на то, что повторное совершение запрещенного законом деяния, тождественного или подобного (однородного) по объективным признакам, в том числе побоев, говорит о повышенной степени его общественной опасности, а если оно совершено лицом, имеющим судимость, – еще и о недостаточности использованных уголовно-правовых средств для предотвращения рецидива (*Постановление от 8 апреля 2021 года № 11-П*).

Вместе с тем при назначении виновному и отбывании им наказания важно эффективно гарантировать право потерпевших на признание и защиту достоинства личности, тем более когда идет речь о преступлениях, совершаемых с применением физического либо психологического насилия. Если, согласно указанию Конституционного Суда, наказание по своей природе допускает возможность учета минимизации рисков потенциально опасного и во всяком случае психологически болезненного для потерпевшего взаимодействия с осужденным, причинившим ему боль, страдания и (или) унижение человеческого достоинства, то такая возможность должна быть реализована в нормативном регулировании. Суд должен иметь возможность в предусмотренных уголовным законом пределах и на основании установленных этим законом правил назначения наказания выбрать его вид и конкретное содержание с учетом обстоятельств дела, личности подсудимого, других предусмотренных уголовным законом критериев. В данной связи часть первая статьи 53 УК Российской Федерации была признана Конституционным Судом не противоречащей Конституции, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу она не исключает конкретизацию судом ограничения посещать определенные места запретом посещения мест, в которых может регулярно находиться потерпевший, в том числе приближаться к этим местам на определенное расстояние (*Постановление от 31 января 2024 года № 4-П*).

В решениях Конституционного Суда также подчеркивается приоритетность обеспечения защиты человеческого достоинства несовершеннолетних с тем, чтобы гарантировать их безопасность от преступных посягательств, сопряженных с неблагоприятным воздействием на нравственность и психику. Обеспечение благополучного и защищенного детства как конституционно признаваемая обязанность государства предполагает защиту детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие (*постановления от 18 июля 2013 года № 19-П, от 23 сентября 2014 года № 24-П, от 18 января 2024 года № 2-П*).

Таким образом, в рамках конституционно-судебной практики последовательно расширяются возможности защиты человеческого достоинства как личного неимущественного права в уголовном судопроизводстве.

Многие правовые позиции Конституционного Суда посвящены **защите человеческого достоинства подозреваемых и обвиняемых** в совершении преступлений.

В соответствии с последовательно реализуемым в ходе конституционного нормоконтроля подходом принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность, относясь к основным правам человека, воплощает наиболее значимое социальное благо. Основываясь на безусловном признании государством достоинства личности, такой подход предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу ее автономии, создает условия как для всестороннего развития человека, так и для демократического устройства общества. Именно поэтому, предусматривая повышенный уровень гарантий права каждого на свободу и личную неприкосновенность, Конституция допускает возможность ограничения данного права лишь в той мере, в какой это необходимо в определенных ею целях, и лишь в установленном законом порядке (*Постановление от 22 марта 2005 года № 4-П*). Системные связи между достоинством и правом на свободу и личную неприкосновенность, выявляемые в решениях Конституционного Суда, обуславливают ряд требований к гарантиям защиты человеческого достоинства подозреваемых и обвиняемых.

Поскольку необоснованное уголовное преследование грубо посягает на человеческое достоинство, государство, отказываясь от осуществления уголовного преследования, не вправе оставить неисполненными конституционно возложенные обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина. Исходя из конституционного требования об охране достоинства личности, оно не освобождается от необходимости гарантировать лицам, незаконно и необоснованно подвергавшимся уголовному преследованию, охрану достоинства личности и обеспечить им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Это означает, что выбор между реабилитирующими и нереабилитирующими основаниями прекращения уголовного преследования не может быть произвольным (*Постановление от 19 мая 2022 года № 20-П*).

Разрешая вопрос о продолжении уголовного преследования подозреваемого или обвиняемого после истечения на досудебной стадии уголовного судопроизводства срока давности уголовного преследования ввиду отсутствия его согласия на прекращение уголовного дела по данному нереабилитирующему основанию, Конституционный Суд, исходя из конституционного требования о защите достоинства, указал на недопустимость продолжения уголовного преследования после истечения на досудебной стадии уголовного судопроизводства срока давности привлечения к уголовной ответственности, поскольку чрезмерное затягивание расследования ведет к снижению эффективности последующей судебной защиты лицом своих прав и законных интересов, в том числе чести, достоинства и доброго имени (*Постановление от 18 июля 2022 года № 33-П*).

На защиту человеческого достоинства направлено также признание Конституционным Судом права лица, которое задерживалось по подозрению в совершении преступления в соответствии со статьями 91 и 92 УПК Российской Федерации и после освобождения из-под стражи – при отсутствии процессуального решения о прекращении его уголовного преследования, а

значит, и процессуального оформления прекращения его статуса подозреваемого – допрашивается (подлежит допросу) в качестве свидетеля, обжаловать в суд бездействие следователя, выразившееся в непринятии решения о прекращении его уголовного преследования, в необеспечении реализации права на реабилитацию (*Постановление от 21 ноября 2017 года № 30-П*).

Помимо того, актуальным примером защиты человеческого достоинства применительно к условиям содержания подозреваемых и обвиняемых может служить решение Конституционного Суда, признавшего не соответствующей Конституции статью 7 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в той мере, в какой при объективно обоснованном невнесении конвойных помещений, расположенных в зданиях судов общей юрисдикции, в перечень мест содержания под стражей данная норма в системе действующего правового регулирования не обеспечивает определения условий нахождения в таких помещениях для лиц, которые задержаны по подозрению в совершении преступления, а также для лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений (подсудимых), в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В этой связи федеральному законодателю предписано определить надлежащие условия нахождения указанных лиц в конвойных помещениях, расположенных в зданиях судов общей юрисдикции. До вступления в силу соответствующих изменений нормативного регулирования в тех случаях, когда суд на основе всей совокупности обстоятельств конкретного дела – включая размеры помещений и последствия пребывания в них, их материально-техническое оснащение и санитарно-гигиеническое состояние (отопление, освещение, вентиляция, условия пользования санитарным узлом и т.д.), обеспечение питанием и питьевой водой, оказание медицинской помощи – придет к выводу, что условия пребывания лица в конвойном помещении умаляли его человеческое достоинство, оспоренное регулирование не может препятствовать признанию судом нарушения условий нахождения подозреваемых и обвиняемых (подсудимых) в конвойных помещениях судов общей юрисдикции (*Постановление от 9 июля 2024 года № 36-П*).

Таким образом, при установлении конкретных, допустимых в целях защиты конституционных ценностей ограничений прав лиц, к которым применяются принудительные меры, обеспечивающие производство по уголовному делу и связанные с лишением свободы, законодатель должен обеспечить действие механизмов, не позволяющих подвергаться обращению, стоящему за рамками целей таких ограничений, исключая жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Наличие подобных механизмов, отражающих конституционное требование охраны достоинства личности, необходимо и для соблюдения принципов правовой определенности и поддержания доверия к закону и действиям государства (*Постановление от 23 сентября 2021 года № 41-П*).

Целый ряд выраженных Конституционным Судом правовых позиций направлен на **ограждение человеческого достоинства при применении мер публичной ответственности** с учетом ее карательного характера.

Избыточность назначенного наказания, его несоразмерность содеянному и невозможность смягчения также могут признаваться нарушающими достоинство лица, привлеченного к уголовной ответственности, поскольку, подчеркивает Конституционный Суд, неотчуждаемое и принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность воплощает одно из наиболее значимых социальных благ, которое, исходя из признания государством достоинства личности, предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу ее автономии и создает условия как для демократического устройства общества, так и для всестороннего развития человека. Из этого вытекает, в частности, необходимость соблюдения дифференцированного и при этом недискриминационного подхода к определению в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве видов наказаний, оснований и условий их отбывания, освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также замены одного наказания другим.

Касаясь вопросов защиты и обеспечения достоинства личности в сфере уголовных наказаний, Конституционный Суд отметил, что гарантированное Основным Законом право осужденного за преступление просить о помиловании или смягчении наказания (статья 50, часть 3) является непосредственным выражением конституционных принципов уважения и охраны человеческого достоинства, гуманизма и справедливости, предполагая для каждого осужденного – независимо от характера преступления, за которое он был осужден, назначенного наказания и условий его исполнения – возможность добиваться, в том числе в судебном порядке, смягчения своей участи вплоть до полного снятия всех ограничений в правах и свободах, установленных для него обвинительным приговором (*Постановление от 26 ноября 2002 года № 16-П, Определение от 15 января 2009 года № 285-О-О*).

На реализацию данного права направлено установление в уголовном законе условий и оснований для замены неотбытой части наказания более мягким его видом, а также для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (*постановления от 26 ноября 2002 года № 16-П и от 24 февраля 2022 года № 8-П; определения от 15 января 2009 года № 285-О-О и от 28 февраля 2023 года № 227-О*).

В этой связи Конституционный Суд пришел к выводу о несоответствии части седьмой статьи 53.1 УК Российской Федерации Конституции в той мере, в какой данное законоположение, исключая замену не отбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами осужденному мужчине единственно в силу достижения им шестидесятилетнего возраста, даже если он отвечает всем иным необходимым для замены наказания нормативным условиям, не сбалансировано в системе действующего правового регулирования гарантиями

возможности применения иных вариантов смягчения наказания такому осужденному (*Постановление от 24 февраля 2022 года № 8-П*).

Учитывая конституционно гарантированную и предусмотренную уголовным законом возможность просить о смягчении наказания и помиловании, сама по себе такая мера наказания, как пожизненное лишение свободы, согласно разъяснению Конституционного Суда, не может посягать на человеческое достоинство (*определения от 26 января 2010 года № 112-О-О, от 27 марта 2018 года № 826-О и др.*).

Согласно высказанной Конституционным Судом позиции неправильное определение судом вида исправительного учреждения – назначение исправительного учреждения более строгого вида – также ухудшает положение осужденного к лишению свободы, поскольку означает применение к нему избыточных правовых ограничений, которые он вынужден претерпевать в течение всего периода, пока ошибка не будет исправлена. Поэтому срок лишения свободы, отбытого лицом в ошибочно назначенном ему исправительном учреждении более строгого вида, должен засчитываться в срок лишения свободы, подлежащего отбытию на основании судебного решения, постановленного в результате пересмотра (отмены или изменения) первоначального приговора (иного судебного акта) посредством использования коэффициентов, установленных в настоящее время для зачета в срок лишения свободы времени содержания под стражей (*Постановление от 15 марта 2023 года № 8-П*).

Стремление конституционного законодателя оградить человеческое достоинство от наиболее грубых на него посягательств отражает конституционно установленный запрет пыток, насилия, других жестоких или унижающих человеческое достоинство наказаний (часть 2 статьи 21). Основываясь на этом императиве во взаимосвязи с конституционным принципом равенства, Конституционный Суд высказал ряд правовых позиций, посвященных **защите человеческого достоинства лиц, находящихся в местах ограничения и лишения свободы.**

Лица, содержащиеся в местах лишения свободы, обладают, подчеркивается в решениях Конституционного Суда, теми же правами, что и остальные граждане, за изъятиями, обусловленными особенностями их личности, совершенных ими преступлений и специальным режимом мест содержания (*Постановление от 15 ноября 2016 года № 24-П*). Создание гражданам, находящимся в местах лишения свободы, препятствий в реализации прав в большей степени, чем это обусловлено целями и порядком исполнения соответствующего уголовного наказания, не согласуется с принципом уважения и охраны человеческого достоинства (*Постановление от 25 февраля 2025 года № 9-П*). В равной мере гарантии защиты достоинства личности распространяются и на лиц, в отношении которых применяются меры, обеспечивающие производство по уголовному делу и также связанные с лишением их свободы (*Постановление от 9 июля 2024 года № 36-П*).

Значимое место в конституционно-судебной практике отводится обеспечению права на уважение человеческого достоинства применительно к

порядку и условиям содержания лица в следственном изоляторе и исправительных учреждениях.

Разрешая вопрос о регламентации (ограничении) права на длительные свидания в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы, отбывающих наказание в строгих условиях, Конституционный Суд констатировал наличие права на соответствующие свидания у всех категорий осужденных, включая тех, кому назначено пожизненное лишение свободы, признав не соответствующими Конституции ряд положений уголовно-исполнительного законодательства в той мере, в какой они исключали возможность предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, в течение первых 10 лет отбывания наказания, то есть периода нахождения осужденного в строгих условиях отбывания наказания (*Постановление от 15 ноября 2016 года № 24-П*).

В дальнейшем эта правовая позиция получила развитие при рассмотрении вопроса о возможности проведения длительного свидания на территории следственного изолятора как для обвиняемых, так и для осужденных, содержащихся там в связи с участием в следственных действиях и судебном разбирательстве по новому уголовному делу. Конституционный Суд признал не соответствующими Конституции положения уголовно-исполнительного законодательства, а также Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в той мере, в какой лица, осужденные к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии, воспитательной колонии или тюрьме и оставленные в следственном изоляторе либо переведенные в следственный изолятор из указанных исправительных учреждений для участия в следственных действиях в качестве подозреваемого, обвиняемого или участия в судебном разбирательстве в качестве обвиняемого, лишаются права на длительные свидания без установленных законом оснований, подлежащих судебному контролю, а также без учета продолжительности нахождения в следственном изоляторе в порядке статьи 77.1 УИК Российской Федерации (*Постановление от 28 декабря 2020 года № 50-П*).

Впоследствии Конституционный Суд пришел к выводу о том, что по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования положения уголовно-исполнительного законодательства допускают применение к осужденным, нарушившим в условиях лечебного исправительного учреждения установленный порядок отбывания наказания, предусмотренный для вида исправительного учреждения, определенного судом, закрепленных уголовно-исполнительным законодательством мер взыскания (включая водворение в штрафной изолятор) и их правовых последствий (в том числе признание злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания), что влечет возможность перевода осужденного в более строгие условия отбывания наказания; позволяют водворять в штрафной изолятор с учетом не только обстоятельств нарушения, допущенного осужденным в период нахождения в лечебном исправительном учреждении, но и состояния его

здоровья, а также с учетом обеспечения при исполнении данной меры взыскания амбулаторного лечения, необходимого по характеру заболевания; исключают возможность исполнения дисциплинарного взыскания в виде водворения в штрафной изолятор в отношении осужденного к лишению свободы, нуждающегося в оказании медицинской помощи в стационарных условиях (*Постановление от 8 июня 2021 года № 27-П*).

При этом само по себе оставление осужденного к лишению свободы в следственном изоляторе (его перевод туда) для участия в следственных действиях или судебном разбирательстве не должно ухудшать условий его содержания, как они определены вынесенным в отношении него приговором. Он не должен содержаться в следственном изоляторе в худших условиях, нежели условия, в которых в нем содержатся заключенные под стражу подозреваемые и обвиняемые. Иное ставило бы осужденных к лишению свободы, оставленных в следственном изоляторе либо переведенных туда для участия в следственных действиях или судебном разбирательстве (тем более в качестве свидетелей или потерпевших), в худшее положение по сравнению как с осужденными, отбывающими наказание в исправительном учреждении, так и с подозреваемыми, обвиняемыми, заключенными под стражу, что противоречит принципам справедливости и равенства, умаляет достоинство личности (*Постановление от 22 мая 2023 года № 25-П, определения от 19 сентября 2024 года № 2056-О и от 29 ноября 2024 года № 3016-О*).

Тем самым выраженные Конституционным Судом правовые позиции предопределяют создание в следственных изоляторах условий, соответствующих условиям содержания в конкретном исправительном учреждении, назначенном приговором суда осужденному, который переводится в следственный изолятор либо оставляется в нем для участия в следственных действиях и судебном разбирательстве по другому уголовному делу.

Рассматривая вопрос о возможности содержания осужденных, оставленных в следственном изоляторе или переведенных в него для участия в следственных действиях или судебном разбирательстве, в камерах, санитарная площадь которых в расчете на одного человека составляет менее трех квадратных метров, тогда как для содержащихся в следственном изоляторе подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, норма такой площади на одного человека устанавливается в размере четырех квадратных метров, Конституционный Суд отметил следующее: федеральный законодатель определил четыре квадратных метра в качестве минимального предела для признания размера площади камеры следственного изолятора, приходящегося на одного человека, отвечающим его минимальным бытовым потребностям и санитарно-гигиеническим требованиям, с учетом условий содержания в следственном изоляторе. Применение меньших нормативов санитарной площади для содержащихся в условиях изоляции в камере следственного изолятора лиц, безотносительно к тому, что послужило правовым основанием для их помещения

туда, объективно ведет к повышенной наполняемости камер, создает трудности для указанных лиц в перемещении по камере, приеме пищи, пользовании санитарным узлом. Следовательно, понятие «норма санитарной площади в камере», как направленное на обеспечение бытовых потребностей и санитарно-гигиенических требований в следственном изоляторе и устанавливаемое исключительно Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», не может для целей оценки соблюдения установленных требований и применения возмещения морального вреда за их нарушение подменяться понятием «норма жилой площади», которая установлена на одного осужденного в том или ином исправительном учреждении. Иное не только противоречило бы конституционным принципам равенства, соразмерности (пропорциональности), справедливости, но и, избыточно ограничивая право на свободу и личную неприкосновенность, умаляло бы право каждого на уважение человеческого достоинства. Таким образом, согласно указанию Конституционного Суда, норма санитарной площади в размере четырех квадратных метров должна равным образом обеспечиваться не только подозреваемым и обвиняемым, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, но и осужденным, переведенным в следственный изолятор или оставленным в нем, для участия в следственных действиях и судебном заседании. Помимо того, в случае нарушения данной нормы санитарной площади осужденный имеет право на компенсацию вреда, причиненного в связи с нарушением условий его содержания (*Постановление от 22 мая 2023 года № 25-П*).

Наряду с этим, как неоднократно отмечалось в решениях Конституционного Суда, публичные принудительные меры (задержание, пресечение побега и др.), а также наказание в виде лишения свободы за совершенное преступление, связанные с ограничением ряда основных прав и свобод, сами по себе в силу презумпции их конституционной соразмерности и справедливости не могут считаться унижающими человеческое достоинство.

Пеналистическая тематика, превалируя среди итоговых решений Конституционного Суда, посвященных защите достоинства в сфере публичной ответственности, однако, их не исчерпывает.

Обширная совокупность выраженных Конституционным Судом правовых позиций направлена на **защиту человеческого достоинства в рамках административной ответственности** и посвящена, в частности, обеспечению индивидуализации наказания лиц, виновных в совершении административных правонарушений.

Как следует из правовых позиций Конституционного Суда, любое административное правонарушение, а равно и санкции за его совершение подлежат четкому законодательному определению, чтобы исходя непосредственно из текста нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть административно-правовые последствия своих действий (бездействия). В противном случае имеет место противоречивая

правоприменительная практика, влекущая произвольное административно-юрисдикционное преследование и наказание и тем самым умаляющая, среди прочего, человеческое достоинство (*Постановление от 16 октября 2020 года № 42-П*).

Необходимость защиты человеческого достоинства воздействует, как разъясняется в решениях Конституционного Суда, на конструкцию составов целого ряда административных правонарушений. В частности, закон, закрепляя обязанность лица, управляющего транспортным средством, под угрозой наказания оставаться на месте дорожно-транспортного происшествия, связывает данную обязанность с интересами всех участников дорожного движения и необходимостью обеспечения выполнения ими взаимных обязательств, порождаемых фактом дорожно-транспортного происшествия (*Постановление от 25 апреля 2001 года № 6-П; определения от 28 сентября 2017 года № 1818-О, от 19 декабря 2017 года № 3056-О и др.*). Это обусловлено в том числе характером отношений, складывающихся между водителем, управляющим транспортным средством как источником повышенной опасности, и другими участниками дорожного движения, и не противоречит конституционно-правовому требованию о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Устанавливая ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия лицом, управляющим транспортным средством, государство реализует свою конституционную обязанность защищать достоинство человека, его права и свободы, в том числе право на жизнь и здоровье, обеспечивать права потерпевших и компенсировать причиненный им ущерб.

Устанавливая в главе 3 КоАП Российской Федерации виды административных наказаний, законодатель, отмечает Конституционный Суд, исходит из того, что административное наказание во всяком случае не может иметь своей целью унижение человеческого достоинства физического лица, совершившего административное правонарушение, или причинение ему физических страданий (статья 3.1 данного Кодекса). Это правило является отраслевым воплощением части 2 статьи 21 Конституции, согласно которой никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. При этом указанное требование, а также иные установленные КоАП Российской Федерации положения, обеспечивающие выяснение и учет всех необходимых обстоятельств по делу об административном правонарушении, вытекают из конституционных принципов равенства и соразмерности (пропорциональности). Таким образом, соответствующие нормативные положения призваны обеспечить индивидуализацию наказания лиц, виновных в совершении административных правонарушений, и одновременно не допустить того, чтобы при применении административной ответственности подвергались сомнению вера в добро и справедливость и умалялось охраняемое государством достоинство личности (*Постановление от 14 февраля 2013 года № 4-П*).

Принцип уважения и охраны человеческого достоинства оказывает влияние на применяемые в административно-деликтном процессе правила толкования. В частности, в силу конституционного признания достоинства личности неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица (часть 4 статьи 1.5 КоАП Российской Федерации). Данная норма является процессуальной гарантией защиты от необоснованного привлечения к административной ответственности (*Определение от 26 мая 2016 года № 931-О*).

В решениях Конституционного Суда выявляется гарантийная роль, которую применительно к обеспечению уважения человеческого достоинства играют отдельные процессуальные институты. Таково, в частности, установление сроков давности (временных пределов для административного преследования), посредством которых государство защищает подозревавшееся в совершении административного правонарушения лицо от не ограниченной по времени угрозы публичного преследования, не согласующейся ни с уважением достоинства личности, ни с правом на личную неприкосновенность. При этом в силу презумпции невиновности (статья 1.5 КоАП Российской Федерации) лицо, в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено ввиду истечения сроков давности, считается невиновным, т.е. государство, отказываясь от преследования лица за административное правонарушение, не ставит более под сомнение его статус в качестве невиновного и, более того, признает, что не имеет оснований для опровержения его невиновности (*Постановление от 16 июня 2009 года № 9-П*).

Значимым вкладом конституционного правосудия в защищенность человеческого достоинства при возложении публичной ответственности стало распространение правила *non bis in idem*, не допускающего повторного привлечения к ответственности за одно и то же деяние и конституционно установленного лишь применительно к уголовно наказуемым деяниям (часть 1 статьи 50), на все виды публичной ответственности. С учетом карательного характера публично-правовой ответственности названное правило решениями Конституционного Суда было экстраполировано на административную ответственность (*Постановление от 4 февраля 2019 года № 8-П*), ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах (*Постановление от 15 июля 1999 года № 11-П*), ответственность, налагаемую судом, – так называемый судебный штраф (*Постановление от 6 апреля 2021 года № 10-П*), ответственность по законодательству об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования (*Постановление от 20 октября 2022 года № 45-П*), дисциплинарную ответственность (*Постановление от 21 марта 2013 года № 6-П*).

Основываясь на подходе к личности как к субъекту, а не объекту государственной деятельности, распространяющемся в целях защиты достоинства человеческой личности на все отраслевые правоотношения, Конституционный Суд указывает на его принципиальное значение в сфере публичного

принуждения, являющегося определяющим признаком юридической, в том числе административной, ответственности. В частности, данный подход востребован при определении порядка административного задержания как меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, связанной с посягательством на свободу и личную неприкосновенность, без которых немислимы достоинство и ценность человеческой личности (*Постановление от 17 ноября 2016 года № 25-П*).

Помимо требований, вытекающих из принципа защиты уважения и охраны человеческого достоинства применительно к нормативной регламентации мер принуждения, предполагаемых публично-правовым преследованием в связи с возложением публичной ответственности, уважение достоинства личности подлежит обеспечению и **при осуществлении иных принудительных мер**.

Так, например, принудительные меры медицинского характера, не будучи тождественны по своей правовой природе уголовному наказанию, но также относящиеся к мерам уголовно-правового воздействия, не должны приводить к какому бы то ни было умалению прав лиц, страдающих психическими расстройствами, в том числе права каждого на достоинство личности, защиту своей чести и доброго имени, права на личную неприкосновенность, исключаящего незаконное как физическое, так и психическое воздействие на человека и, соответственно, не допускающего насилие, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение, а также права на охрану здоровья и медицинскую помощь (*постановления от 20 ноября 2007 года № 13-П, от 21 мая 2013 года № 10-П и от 24 ноября 2023 года № 54-П; Определение от 3 июля 2008 года № 612-О-П*).

Определяя конкретные способы защиты прав лиц, страдающих психическими расстройствами, федеральный законодатель обязан выработать оптимальный механизм, предполагающий необходимость учета степени нарушения, в том числе в целях определения гражданской дееспособности таких лиц, их способности понимать значение своих действий или руководить ими в отдельных сферах жизнедеятельности и вместе с тем не допускающий умаления достоинства их личности и несоразмерного вторжения в частную жизнь (*Постановление от 27 июня 2012 года № 15-П, Определение от 5 марта 2009 года № 544-О-П*). Необходимой гарантией защиты прав таких лиц, включая их человеческое достоинство, является распространение на такую ограничивающую личную свободу меру, как недобровольная госпитализация в психиатрический стационар лица, страдающего психическим расстройством, правил, предусмотренных статьями 22 и 46 Конституции, согласно которым – по смыслу выраженных Конституционным Судом правовых позиций — лицо до вынесения соответствующего судебного решения может быть подвергнуто задержанию лишь на срок не свыше 48 часов. При этом судебное решение призвано гарантировать лицу защиту не только от произвольного продления этого срока, но и от неправомерного задержания как такового, поскольку суд в любом случае обязан оценить законность и обоснованность применения соответствующей меры к

конкретному лицу (*Постановление от 27 февраля 2009 года № 4-П, Определение от 5 марта 2009 года № 544-О-П*). Вместе с тем нарушением человеческого достоинства не может быть признано отсутствие указания на предельный срок применения принудительных мер медицинского характера, поскольку подобные меры, не будучи наказанием, обусловлены психическим состоянием лица, динамика которого не может быть заранее предопределена судебным решением (*Постановление от 24 ноября 2023 года № 54-П*).

Повышенных гарантий защиты достоинства – в сравнении с общими правилами охраны здоровья граждан, в том числе с точки зрения врачебной тайны, доступности медицинской информации и документации, – требует оказание психиатрической помощи (*Определение от 2 июля 2015 года № 1544-О*). Распространение информации о психическом здоровье лиц, являющихся пациентами соответствующих медицинских учреждений, может – ввиду возможной негативной реакции со стороны социального окружения указанных лиц – серьезно осложнить реализацию их прав и свобод. Как было отмечено в этой связи Конституционным Судом, само по себе знание гражданина относительно наличия информации о его госпитализации в медицинскую организацию такого рода – даже при отсутствии конкретных фактов ненадлежащего использования информации и при наличии записи в соответствующей документации о состоявшемся в дальнейшем судебном признании этой госпитализации незаконной – способно отрицательно влиять на его самоощущение, угнетать ожиданием негативных последствий и явным образом затрагивать его человеческое достоинство. Тем самым защита достоинства личности предъявляет особые нормативные требования к порядку ведения и хранения медицинской документации, а также внесению в нее сведений о признании судом госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке незаконной (*Постановление от 13 июля 2022 года № 31-П*).

Качество правовых норм, опосредующих применение мер публичного принуждения, в том числе не связанных с возложением публичной ответственности, играет во многом решающую роль в обеспечении конституционности данного регулирования и практики его применения. Значительное количество поступающих в Конституционный Суд обращений по этим вопросам, будучи обусловлено дефектами регламентации соответствующих правоотношений, указывает на опасности, которым подвергается в их рамках право на уважение и охрану человеческого достоинства.

Для надлежащей защиты достоинства личности при применении мер публичного принуждения – как связанных с возложением публичной ответственности и ее осуществлением, так и не связанных с ними – соответствующие уголовно-правовые и уголовно-процессуальные, уголовно-

исполнительные и административно-деликтные конструкции, а также регулирование медицинской деятельности в части, определяющей порядок принудительной госпитализации, должны отвечать конституционным требованиям и надлежащим образом реализовываться на практике. Лишь воплощающие конституционные начала, в том числе раскрываемые в решениях Конституционного Суда, обеспечивающие принципы правовой определенности и поддержания доверия к закону и действиям государства, отраслевые механизмы, действуя в сфере указанных правоотношений, способны оградить человеческое достоинство.

Заключение

На протяжении более чем тридцати лет решения Конституционного Суда, поддерживая баланс между различными, но равновеликими по своей конституционной значимости ценностями, способствуют преодолению умаляющих человеческое достоинство нормативных и правоприменительных изъянов. Как следует из настоящей Информации, пребывание воздействующего на человеческое достоинство нормативного регулирования в пределах конституционного поля обеспечивается применением всей совокупности средств конституционного нормоконтроля: от дисквалификации нормы до выявления ее конституционного смысла, направляющего в конституционное русло судебное и административное правоприменение.

Анализ рассмотренных Конституционным Судом дел с опорой в том числе на конституционные положения о достоинстве человека (часть 1 статьи 21 Конституции) свидетельствует о неуклонном расширении сферы их применения. В процессе соотнесения данных положений с различными конституционными правами и свободами, приложения их к разнообразным нормоконтрольным ситуациям вырабатывается и совершенствуется конституционно-судебная доктрина человеческого достоинства.

Обеспечение защиты человеческого достоинства в соответствии с конституционными установлениями во многом обусловлено тем, насколько нормотворчество и правоприменение отвечают смыслу выраженных Конституционным Судом и обобщенных в настоящей Информации подходов.

Будучи ведущим фактором конституционализации российского права, оказывая преобразующее влияние на отраслевое регулирование, конституционный нормоконтроль положительно влияет на защищенность человеческого достоинства отраслевыми средствами. Наряду с этим, укрепляя отраслевые гарантии человеческого достоинства, правовые позиции Конституционного Суда усиливают системность его правовой защиты.

На преодоление ослабляющих конституционно гарантированное уважение человеческого достоинства дефектов регулирования в системной связи с практикой его применения направлены не только дисквалификация соответствующих законоположений, а также выявление их конституционно-правового смысла, но и содержащиеся в решениях Конституционного Суда указания на негативные тенденции законодательного развития, на системные проблемы регулирования и правоприменения. Признавая проверенные законоположения соответствующими Конституции (не нарушающими конституционные права граждан), Конституционный Суд при необходимости обозначает ориентиры дальнейшего развития законодательства в конституционном русле, рекомендуя желательные коррективы действующего регулирования.

Заложенный в Конституции Российской Федерации и реализуемый в решениях Конституционного Суда подход к человеческому достоинству

констатирует нерасторжимую взаимосвязь, существующую между ним и конституционным правопорядком. Не апеллируя к значениям человеческого достоинства за пределами правового регулирования, этот подход утверждает основанный на защите прав и свобод конституционный строй как единственно способный обеспечить уважение человеческого достоинства, выступающего важнейшим регулятивным и интерпретативным принципом правовой демократии.

Вместе с тем предполагаемые современным подходом к обеспечению человеческого достоинства требования признания, выходя за рамки гражданских свобод первого поколения и прав на социальное обеспечение второго поколения, диктуют обновленную, основанную на понимании социальной взаимозависимости и социального сотрудничества, трактовку человеческого достоинства, раскрываемую в правах солидарности третьего поколения. Применяя принцип уважения и охраны человеческого достоинства с учетом его нерасторжимой взаимосвязи с иными конституционными принципами, ограждая человеческое достоинство с опорой на все иные конституционно охраняемые ценности, Конституционный Суд, помимо прочего, укрепляет утверждаемую конституционным принципом солидарности и покоящуюся на общности традиционных духовно-нравственных ценностей связь ушедших, ныне живущих и будущих поколений. Скрепляя национальное единство, эта преемственность обеспечивает конституционную идентичность российского государства.

Тем самым защита человеческого достоинства средствами конституционного нормоконтроля обеспечивает уважение и охрану не только соответствующей конституционной ценности, но и обширного круга традиционных духовно-нравственных ценностей, которые нашли отражение в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Президентом Российской Федерации. Как следует из выраженных Конституционным Судом правовых позиций, в особой защите со стороны государства нуждаются семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании, представляя собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, и выступая условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации (*постановления от 23 сентября 2014 года № 24-П и от 29 июня 2021 года № 30-П; Заключение от 16 марта 2020 года № 1-3*). Именно на основе традиционных представлений об этих ценностях в контексте особенностей национального и конфессионального состава российского общества, его социокультурных и иных исторических характеристик должны осуществляться и законодательное регулирование, и реализующее его правоприменение.

На текущем этапе и в определенной степени благодаря влиянию, оказываемому на нормотворчество и правоприменение решениями Конституционного Суда, прослеживаются положительные тенденции в области защиты человеческого достоинства. Заметны усилия федерального законодателя, который, в частности, закрепив в уголовном законе понятие пытки и установив ее

в качестве квалифицирующего признака, ужесточил наказание по соответствующим составам преступлений (Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»). В целом позитивно характеризуется в рассматриваемом аспекте и судебная практика последнего времени.

Нельзя не учитывать, что в большинстве случаев основанием обращения в Конституционный Суд является уже произошедшее посягательство на конституционные права и свободы, включая человеческое достоинство. Последующий пересмотр ранее вынесенных правоприменительных решений по делу заявителя на основании выраженных Конституционным Судом правовых позиций, а равно и применение компенсаторных механизмов обычно не исчерпывают все неблагоприятные последствия неконституционного (в том числе по смыслу, придаваемому правоприменением) регулирования. Seriously осложняет защиту человеческого достоинства и ненадлежащее исполнение решений Конституционного Суда. Все это обязывает органы публичной власти и должностных лиц к полной и своевременной реализации выраженных Конституционным Судом и обобщенных в настоящей Информации правовых позиций, предполагающей, наряду с прочим, комплексный учет законодателем и правоприменителями положений как резолютивной, так и мотивировочной частей решений Конституционного Суда.

Предпринятый в настоящей Информации анализ демонстрирует весомый вклад конституционного нормоконтроля в совершенствование существующих и появление новых правовых механизмов, гарантирующих человеческое достоинство во всех сферах жизни.

Вместе с тем именно целенаправленные и согласованные усилия всего государства и общества в целом препятствуют превращению конституционно провозглашенного уважения человеческого достоинства как первоосновы всех прав и свобод в оторванную от действительности декларацию.

Являясь первоочередной задачей всех органов публичной власти, охрана достоинства личности будет и впредь приоритетна для Конституционного Суда Российской Федерации.